

ORG
PSY

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ.
ЭЛЕКТРОННОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ
ИЗДАНИЕ

№1 (25)

2024

АГЕНТСТВО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

электронное периодическое издание

№1 (25)

Москва, 2024

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«Агентство социально-гуманитарных технологий»

Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. – Вып. № 1 (25). – Электрон, текстовые дан. (5,0 МВ). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» является результатом научного сотрудничества ведущих специалистов в области языкознания и психологии. Издание включает публикации результатов теоретических и прикладных исследований, а также другую информацию научного характера. Периодичность выхода журнала 4 раза в год. Журнал учрежден в 2017 г.

Для специалистов в области лингвистики, психолингвистики, психологии и когнитологии, научных работников, преподавателей, докторантов и аспирантов, а также всех, кто интересуется междисциплинарными аспектами языка и речи.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведённых сведений, данных и дат. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Организационная психолингвистика» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Журнал выпускается на электронном носителе (CD-R).
Архив номеров доступен
<http://www.psycholinguistic.ru>

Издатель:
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий»
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24
Тел. +7(926)384-02-69
e-mail: orgpsyling@yandex.ru
<http://www.psycholinguistic.ru>

Минимальные системные требования:
Pentium 4.2 ГГц; 512 МВ RAM; Не менее 4 МВ
свободного места на винчестере; Windows 2000, XP,
Windows 7, 8, 10; CD-ROM; Программа для чтения
PDF-файлов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Мыскин Сергей Владимирович**, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)

Зам. главного редактора – **Тарасов Евгений Фёдорович**, профессор, доктор филологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Журавлёв Игнатий Владимирович, кандидат психологических наук, старший преподаватель Московской Международной Академии (Россия)

Ильина Виолетта Александровна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)

Исаев Евгений Иванович, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогической психологии им. В.А. Гуружапова Московского психолого-педагогического университета (Россия)

Кудрявцев Владимир Товиевич, доктор психологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Радченко Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшего образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин штата Оклахома (США), член Научного сообщества по истории языкознания (Мюнстер, ФРГ), член Общества немецкого языка (ФРГ), профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета (Канада)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алефиренко Николай Фёдорович, профессор, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Богоявленская Диана Борисовна, профессор, доктор психологических наук, главный научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, профессор кафедры психологической антропологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Бойко Борис Леонидович, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков Военного университета МО РФ (Россия)

Булгаков Александр Владимирович, профессор, доктор психологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Вашунина Ирина Владимировна, доцент, доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой романо-германских языков Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ (Россия)

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ (Россия)

Дугарова Туяна Цыреновна, доктор психологических наук, доцент, профессор Московского педагогического государственного университета (Россия)

Иванов Николай Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Каминская Маргарита Владимировна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук (Россия)

Клюканов Игорь Энгелевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социокультурных коммуникаций Российского нового университета, профессор Eastern Washington University (Чини, США)

Комалова Лилия Ряшитовна, доктор филологических наук, доцент, руководитель и ведущий научный сотрудник центра эмерджентных практик Института научной информации по общественным наукам РАН РФ (Россия)

Корытова Галина Степановна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития личности Института психологии и педагогики Томского государственного педагогического университета (Россия)

Кремнёв Евгений Владимирович, доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой китаеведения института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Россия)

Кыштымова Ирина Михайловна, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета (Россия)

Лельчицкий Игорь Давыдович, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, заместитель председателя Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Министерства образования и науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, директор Института педагогического образования, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Член Президиума ВАК Республики Беларусь, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета (Беларусь)

Попова Татьяна Георгиевна, профессор, доктор филологических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Россия)

Приступа Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и семейной педагогики Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии (Россия)

Рябова Марина Эдуардовна, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета (Россия)

Саргсян Левон Кароевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии им. академика Мкртича Мазманяна Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, судебно-психологический эксперт (Армения)

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН РФ (Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Россия)

Слободчиков Виктор Иванович, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (Россия)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук Хэйлунцзянского университета Китая, ведущий научный сотрудник центра исследования русской лингвистики, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета (Китай)

Шляхов Владимир Иванович, профессор, доктор педагогических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Iskajyan A.H. The concept of Internet addiction: signs, symptoms and stages..... 11

Палкин А.Д. Об организации коммуникации с детьми первого года жизни в свете их эмоционального, предречевого и речевого развития ... 26

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Никитичев И.Г. Языковые приёмы «убеждения» в академической коммуникации билингвов 51

ТРУДЫ НАЧИНАЮЩИХ УЧЕНЫХ

Серов В.А. Лингвокультурные особенности фреймов номинаций предприятий общественного питания в русском, английском и французском языках 73

ХРОНИКА, ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Коллонтай Г.А. Подходы к изучению феномена благополучия человека: обзор зарубежных и отечественных теорий 88

ОБ АВТОРАХ..... 114

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ..... 115

CONTENTS

CONCEPTUAL ISSUE OF ORGANISATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Iskajyan A.H. The concept of Internet addiction: signs, symptoms and stages 11

Palkin A.D. On organising communication with one-year-olds in view of their emotional, preverbal and verbal development 26

DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Nikitichev I.G. Language of persuasion in bilingual academic communication 51

THE WORKS OF YOUNGS RESEARCHERS

Serov V.A. Linguistic and cultural features of frames of nominations of public catering enterprises in Russian, English and French 73

CHRONICLE AND REVIEWS

Kollontai G.A. Approaches to the study of the phenomenon of human well-being: a review of foreign and domestic theories 88

ABOUT AUTHORS..... 114

INFORMATION FOR AUTHORS..... 115

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ / CONCEPTUAL ISSUE OF ORGANISATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

УДК 81-119

A.H. Iskajyan

Armenian State Pedagogical University
0010, Tigran Mets Ave, 17
Yerevan, Armenia
arminiskajyan@mail.ru

THE CONCEPT OF INTERNET ADDICTION: SIGNS, SYMPTOMS, AND STAGES

Abstract. In today's digital age, the Internet plays a pivotal role in nearly every aspect of modern life, encompassing education, communication, and entertainment. However, the rapid evolution of the Internet has raised serious concerns among professional psychological associations, parents, and teachers. This article is dedicated to studying the signs, symptoms, and stages of Internet addiction. The article presents two case studies of internet addiction, accompanied by an analysis of the corresponding signs and symptoms. These case studies emphasize the multifaceted factors contributing to internet addiction and underscore the necessity for early recognition and intervention strategies tailored to individual motivations. Based on research findings, it is evident that the symptoms of Internet addiction encompass both physical and psychological manifestations, including depression, mood swings, intolerance, conflict, loss of a sense of time, unsuccessful attempts to reduce Internet usage, and social isolation. Hence, promoting responsible and balanced Internet usage, especially among the younger generation, becomes critically important. Preventive measures and education can significantly reduce the incidence of Internet addiction and mitigate its associated health and psychological consequences.

Keywords: Internet addiction, signs and symptoms, stages of addiction, case study, observation, early intervention

Introduction

The Internet has evolved into one of humanity's most vital tools, serving purposes ranging from information access, job opportunities, and education to entertainment, encompassing social media platforms and networking. It is increasingly becoming an integral part of our daily existence, especially with the emergence of modern smartphones, tablets, and computers.

The issue of internet addiction remains highly pertinent in our contemporary era. Many parents frequently express concerns about their children's extensive use

of social media and excessive engagement in computer games, struggling to curb these behaviors. Prominent psychological associations, including the American Psychological Association and the European Psychological Association, have also highlighted this concern. Consequently, this issue is of significant relevance and warrants thorough investigation.

In the age of cutting-edge technologies, social life is undergoing rapid transformation. The Internet has permeated nearly every aspect of public life and serves a multitude of purposes, including education, business, entertainment, and communication.

The term "Internet addiction" was initially coined in 1995 by New York psychiatrist Ivan Goldberg as a humorous gesture, where he purported that this condition did not truly exist. He posted a satirical version of the American Psychiatric Association's "Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders" on his online psychology platform (<http://psycom.net/>) as a playful prank for his followers. To underscore the seriousness of the manual, he included the fictitious disorder of "Internet Addiction," characterized by symptoms like "withdrawal or reduction of important social or occupational activities due to Internet use," "fantasies or dreams about the Internet," and "conscious or unconscious typing movements of the fingers" [1]. To his astonishment, I. Goldberg received numerous messages from people seeking assistance to overcome their perceived Internet addiction. This unexpected response led to increased attention to the issue of Internet misuse in various settings, including universities and hospitals [22].

Despite Dr. Goldberg's initial attempt at humor, Internet addiction has emerged as a genuine concern for public mental health. In 1996, clinical psychologist Kimberly Young presented the results of her two-year study on Internet abuse at the annual meeting of the American Psychological Association, examining Internet addiction within a clinical context. This study garnered significant media attention and broadened the public and professional discourse surrounding Internet addiction [18].

K. Young recalls that following the publication of her book, "Trapped on the Web," neither journalists nor researchers were initially inclined to accept the possibility of Internet addiction. Many even derided the notion that such a useful tool, ideal for remote communication and information retrieval, could become addictive. Subsequently, K. Young established the Center for Internet Addiction, which focused on investigating various aspects of Internet addiction [3].

In recent years, the concept of "addiction" has evolved. While traditionally, people associated addiction with dependence on substances like alcohol, tobacco, or drugs, it now encompasses seemingly harmless behavioral habits that, under specific conditions, can transform into genuine addictions with significant adverse consequences for an individual's lifestyle.

According to the American Psychiatric Association, non-substance addictions have been incorporated into the Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, fifth edition (DSM-5). This latest edition introduces a new category, "substance abuse and dependence," which encompasses two subtypes: psychoactive substance dependence and non-psychoactive substance dependence behavioral disorders. The latter refers to an addictive disorder that does not involve the consumption of any substance [2]. However, it's important to note that "Internet addiction" as a distinct disorder is not explicitly delineated in diagnostic manuals. The rationale for this, as proposed by R. Pies, is that the symptoms of Internet addiction often overlap with those of other disorders, such as depression. Introducing a separate category for Internet addiction would potentially increase the number of proposed disorders, which might diminish public trust in psychiatric diagnoses [16].

Clinical observations and experimental studies conducted by J. Frascella, M. Potenza, and other researchers reveal that both substance and behavioral addictions share common characteristics encompassing genetic, neurobiological, individual, social, and clinical aspects [6]. This commonality justifies their overall classification. The primary distinction lies in the fact that individuals are not addicted to a

substance but are instead addicted to a particular behavior or action and the resulting emotional experiences.

Understanding Internet Addiction

Internet use becomes problematic when it begins to function as a significant mechanism for relieving stress, loneliness, depression, or anxiety [18]. Behavioral problems related to the Internet can be described in various terms, such as Internet addiction, Pathological Internet Use (PIU), Problematic Internet use, Internet abuse, and Addiction to the Internet, or Virtual addiction [22].

R. Kraut, M. Patterson, and V. Lundmark define addiction in the context of Internet use as:

- Excessive time spent on the Internet.
- A compulsive pattern of Internet use, with an inability to manage one's time effectively.
- Experiencing feelings of boredom when offline.
- Reduced social interactions stemming from Internet use.
- Feelings of panic or distress when unable to access the Internet [14].

Dr. Kimberly Yang believes that Internet addiction is a broad concept that should be divided into five main types [23]:

- Cyberrelationship addiction: Individuals with this type of addiction spend a significant portion of their time sending and responding to messages and feel an irresistible urge to check their email. For them, online communication with friends takes precedence over relationships with friends and family in real life.
- Information overload: The abundance of information available on the Internet has led to a behavioral addiction associated with endless database searches and both targeted and untargeted information searches.
- Net compulsion: This refers to an obsession with gambling and online shopping. As a result of direct access to virtual casinos, interactive games, and online stores, people suffering from this addiction can lose substantial amounts of money.

- Computer addiction: This category includes compulsive computer-related activities such as programming, web design, gaming, or other computer-related tasks.
- Cybersexual addiction: Involves viewing adult websites, downloading explicit material, or participating in online chat rooms.

M. Griffiths categorizes Internet addiction as a type of technological addiction, which is defined as a non-chemical (behavioral) addiction characterized by excessive human-machine interaction. These addictions come in two main forms: passive (such as watching TV programs) and active (like playing video games). Typically, both active and passive addictions involve motivating and reinforcing elements that contribute to the development of addictive tendencies [10].

Signs and symptoms of Internet addiction

Signs and symptoms of Internet addiction, as suggested by M. Griffiths, are characterized by the following criteria [11]:

- Saliency: This occurs when a specific activity becomes the most important in a person's life, taking the forefront in their thoughts, emotions, and behavior, pushing other values aside. For example, the individual constantly thinks about the activity even when not engaged in it.
- Mood modification: This is the subjective experience of a person, which includes sudden changes in their mood, both positive and negative.
- Tolerance: This involves a process where periodic increases in the parameters of the activity are needed to achieve the same effect as before. For instance, a gambler may need to progressively increase their bets to experience the same level of excitement they once felt with smaller bets.
- Withdrawal: These are unpleasant feelings or physical symptoms that arise when the favored activity is discontinued or significantly reduced. These symptoms may include tremors, low mood, irritability, and more.

- **Conflict:** This refers to conflicts that can arise between the addicted individual and those around them (interpersonal conflict) or within the person (intrapersonal conflict).
- **Relapse:** This is the tendency to return to previously favored activities, even if the individual has abstained from them for an extended period.

M. Griffiths suggests that Internet addiction can be triggered by various factors, including the online environment, the reinforcement process, a lack of interpersonal communication, excessive interest in adult content websites, and high levels of social activity on the internet, such as in chat rooms and through computer games [12].

Chinese scientists' brain studies, utilizing MRI and CT scans, provide evidence confirming that Internet addiction is associated with structural and functional alterations in brain regions responsible for attention, decision-making, and cognitive control [7]. R. Tao, H. Xiuqin, et al have also identified additional symptoms of Internet addiction, which include [18]:

- **Lack of control:** This involves unsuccessful attempts to control or reduce Internet use, indicating an inability to manage one's online activities.
- **Loss of interest in other activities:** Individuals with Internet addiction may gradually lose interest in other hobbies and activities they once enjoyed, as their focus becomes predominantly centered around the online world.
- **Continued use despite awareness of negative consequences and effects:** Even when individuals are aware of the negative consequences and adverse effects of their excessive Internet use, they continue to engage in it, highlighting a lack of self-regulation.
- **Disclaimer:** This entails providing incomplete or false information about the amount of time spent on the Internet, which may be a way of concealing the extent of their addiction.

There are specific signs indicating that Internet use has become problematic. These signs include:

- Sacrificing work responsibilities to spend more time online.
- Loss of a sense of time.
- Spending more time on the Internet than initially planned.
- Feeling irritated when internet activity is interrupted.
- Hiding or lying about the actual amount of time spent online and the online activities.
- Feeling a sense of euphoria when using the Internet.
- Using the Internet as a means to cope with depression or stressful situations.
- Attempting but failing to reduce the time spent on the Internet.
- Isolating oneself from family members and friends in favor of online interactions.
- Believing that virtual friends are the only ones who truly understand them [4].

The signs and symptoms of social media addiction can manifest in both emotional and physical ways. *Emotional symptoms* may include depression, isolation, guilt, anxiety, a sense of euphoria when using a computer, a lack of a sense of time, mood swings, fear, and feelings of loneliness [8 ; 20].

Physical symptoms can encompass back pain, carpal tunnel syndrome, headaches, insomnia, neck pain, neglect of personal hygiene (e.g., not bathing due to extended online sessions), vision problems (e.g., dry eyes from prolonged screen time), and fluctuations in weight [17 ; 20]. These symptoms highlight the range of effects that excessive Internet and social media use can have on an individual's well-being.

A longitudinal study of Chinese high school students, as conducted by Lam, Lawrence T. et al, revealed that individuals prone to social media addiction are 2.5 times more likely to experience depressive symptoms compared to students who are not addicted to social media [15].

The accessibility and portability of the Internet pose a potential risk of addiction for teenagers. J. Gackenbach explains the propensity for Internet addiction in terms of intrapersonal and interpersonal factors [8]. Intrapersonal factors focus

on internal characteristics of the person, such as personality traits, while interpersonal factors involve social support and parent-child relationships.

According to F. Chang et al., intrapersonal factors associated with Internet addiction include impulsivity, irritability, rebelliousness, low self-esteem, inattention, neglect of responsibilities, poor academic performance, and difficulties in social interaction. Among the interpersonal factors linked to Internet addiction are family status, conflictual relationships with parents, and stressful life situations [5].

In contrast to the factors mentioned above that can be prevented or mitigated, H. Koo suggests that the likelihood of developing Internet addiction is strongly related to factors like identity, which includes self-knowledge, self-esteem, and self-efficacy, as well as having adequate social interactions with peers and parents, including parental support and effective communication [13]. These various factors contribute to the understanding of Internet addiction and its associated risks.

The virtual world is characterized by the fact that individuals perceive and experience it not as a product of their minds but as an objective reality.

Thus, the concept of "Internet addiction" lacks a universally accepted definition. Drawing from interpretations and definitions proposed by various scholars, we have formulated our definition of addiction:

On one hand, addiction is a voluntary choice made by an individual. On the other hand, it limits their opportunities and self-development potential, becoming a primary need and focal point in their life. It involves a pathological and irresistible urge, where the duration of engagement is crucial. Furthermore, it leads to psychological, social, educational, and work-related difficulties in a person's life.

Methods and Results

In our research, we employed the case study method to delve into the topic of internet addiction, with a primary focus on identifying its signs, symptoms, and developmental processes. This approach involves studying something in great detail

within its real-life context. Case studies are particularly valuable in understanding complex and unique situations, enabling psychologists to gain profound insights into specific cases and their connections to psychological principles and theories [9]. We chose this method because it excels in conducting comprehensive and detailed investigations, offering a broad perspective, especially when tackling intricate subjects like internet addiction. Let's present two cases where severe internet addiction is observed.

Case Study 1

Karen (name changed) is a 14-year-old male adolescent in the tenth grade with aspirations of a career in computer science. He has been experiencing restlessness, irritability, a persistent low mood, and insomnia over the past two months. Additionally, his parents have noticed his difficulty concentrating in class. Initially, his internet usage was primarily for attending online classes during the COVID-19 pandemic, but he gradually transitioned to watching online movies and videos and engaging in social networks, creating profiles on Facebook, YouTube, and Instagram. During the interview, it was revealed that, in addition to isolation due to the pandemic, certain psychological factors also played a role in the development of his internet addiction. Karen had complexes related to his extensive weight, prompting a preference for virtual communication over face-to-face interactions.

His primary use of social media was for playing online games and seeking answers to academic questions. This internet use escalated from 1-2 hours a day to 5-6 hours daily. At present, it may be assumed that he has a severe addiction based on the amount of time he spends online. Karen confessed that he dedicated most of his free time outside of school to engaging in online activities. When he wasn't online, his thoughts were consumed by his virtual life, eagerly awaiting opportunities to continue gaming and watching videos. Consequently, his academic performance suffered in comparison to previous years.

In the interview, Karen shared, "My grades have been declining, and my parents and teachers express concern. I've lost interest in many activities I used to enjoy, like playing sports with friends. There are times when I cancel plans with friends to be online." When questioned about changes in his mood or feelings when unable to use the internet, Karen replied, "Yeah, I get anxious and irritable when I can't get online. It's like I'm missing out on something, and I just can't relax." Notably, he becomes irritated and resistant when his parents or teachers request that he refrain from using his mobile device and focus on his studies.

Karen also experiences insomnia, staying awake late into the night, which further contributes to his declining academic performance, lack of concentration, and mood swings. Counseling is being offered to both the patient and the parents, with an emphasis on providing increased attention and quality time to support Karen.

Case Study 2

Mary (name changed) is a 16-year-old female adolescent who has been an active social media user for several years. During the interview, she confessed to spending a minimum of 5 hours per day online, but she found it challenging to recall the exact duration due to losing track of time. Her addiction began when she acquired her first mobile phone with internet capabilities and established a Facebook profile. Mary's case is also indicative of severe internet addiction, as she spends 5 hours daily online.

It's noteworthy that Mary's parents are divorced, her mother works throughout the day, and she finds herself alone for most of the day. The internet provided her with an escape from the problems in her life. What entices her the most about internet usage is the ability to share her daily activities with the online community.

When asked about how internet use has affected her daily life, Mary responded, "Well, it's been quite challenging. I often lose track of time, which triggers

anxiety. I also experience mood swings and sometimes feel extremely isolated from everyone. Additionally, the physical side effects, such as back and neck pain, can be quite bothersome. I had no idea I would encounter such issues when I initially started using the internet".

Consequently, Mary exhibits symptoms such as a distorted sense of time, anxiety, mood fluctuations, and feelings of isolation. She also suffers from physical symptoms, including back and neck pain, attributable to prolonged periods in the same position. However, she currently expresses a desire to restrict her online time to concentrate on her studies and attain higher exam scores, as she aspires to become a doctor. Mary acknowledges that her excessive internet usage interferes with her engagement in other activities, such as genuine communication and academic focus.

Discussion

Internet addiction is particularly concerning for adolescents. When a person becomes dependent on internet use as a maladaptive way of coping with life's stresses, they are said to be suffering from internet addiction, which is a behavioral addiction. Teenagers often lack the knowledge and awareness to properly manage their computer use and are unaware of the potential harm that the internet can expose them to.

We should also mention that Internet addiction, like any other behavioral addiction, develops gradually. Based on our observations, we have identified the following stages:

- **Novelty:** At this stage, a person acquires a new phone or computer and connects to the Internet. They create their first social network profiles and engage in initial information searches.
- **Rare use:** In this stage, an individual may check their email or visit chat rooms only 1-2 times a week and use search engines solely when necessary.

- Regular use: Here, the person begins to regularly visit social networking sites, keeps up with the latest news, and posts updates. They can spend several hours a day online, but virtual life remains a choice rather than a necessity, and they can easily prioritize more important tasks.
- Risky use: At this stage, the user is not entirely dependent on the Internet but spends an excessive amount of time online, potentially interfering with other aspects of their life.
- Addiction: In this final stage, the person can no longer imagine their life without the Internet. They check social media immediately upon waking up and stay connected virtually throughout the day.

Analyzing Case Studies 1 and 2, we find some commonalities:

- *Loss of Time Control*: Both Karen and Mary report difficulty in managing their time spent online. Karen loses track of time while waiting for opportunities to come online, and Mary spends significant hours online while losing awareness of time passing.
- *Anxiety and Mood Swings*: Both individuals experience feelings of anxiety and mood swings. Karen becomes anxious and irritable when unable to go online, while Mary mentions mood swings and anxiety as well.
- *Desire to Be Online*: Both Karen and Mary exhibit a strong desire to be online, which affects their real-life activities. Karen cancels plans with friends to be online, and Mary finds it tough to disconnect and often loses track of time online.

However, there are also differences:

- *Motivation to Change*: Mary expresses a desire to reduce her online time to focus on her studies and future career as a doctor. In contrast, Karen does not seem to recognize the harm of his internet use and is resistant to giving it up.
- *Initial Triggers*: Karen's addiction appears to be triggered by the necessity of online classes during the COVID-19 pandemic, while Mary's addiction is linked to coping with stress from her parents' divorce and feelings of loneliness.

Both case studies underscore the need for early recognition and intervention in internet addiction cases, with a particular emphasis on understanding the unique triggers and motivations of affected individuals to provide tailored support and strategies for managing internet use. In our further research, we will introduce methods for overcoming internet addiction.

Conclusion

This article has explored the signs, symptoms, and developmental stages of Internet addiction, providing insights into the multifaceted nature of this issue. We've observed how individuals can become ensnared by excessive Internet use, whether as a coping mechanism for stress, loneliness, or simply due to habitual behavior.

By examining real-life cases, we've witnessed the tangible consequences of Internet addiction on young individuals. It's clear that this problem not only impacts their mental well-being but also has repercussions on their academic performance and relationships. Identifying the signs and stages of Internet addiction is essential for early intervention and support.

Given the pervasive presence of the Internet in nearly every facet of our lives, it's vital to raise awareness about responsible and balanced Internet usage, particularly among the younger generation. Internet addiction, much like other behavioral addictions, can develop gradually and progress through stages, ultimately significantly affecting an individual's life.

Prevention is better than cure. To reduce the likelihood of Internet addiction among teenagers, we should focus on educating them, identifying issues early, and promoting healthier online behaviors. Neglecting or disregarding one's well-being and health can lead to adverse consequences.

References

1. *Muhambetova, K.A.* Vliyanie informacionnyh tekhnologij na lichnost': internet-addiksiya / K.A. Muhambetova // Vestnik Omskogo universiteta. – 2009. – № 3. – S. 37-40.
2. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (5th ed.). Washington, DC: American Psychiatric Association. 2013.
3. *Brand, Matthias; Potenza, Marc N.* "In memory of Dr. Kimberly S. Young: The story of a pioneer". Journal of Behavioral Addictions. US National Library of Medicine, National Institutes of Health. 8 (1): 1-2. 2019.
4. *Cash, H., Rae, C. D., Steel, A. H. & Winkler, A.* Internet Addiction: A Brief Summary of Research and Practice. Current Psychiatry Review, 9(4), 292-298, 2012.
5. *Chang, F. C., Chiu, C. H., Lee, C. M., Chen, P. H., & Miao, N. F.* Predictors of the initiation and persistence of Internet addiction among adolescents in Taiwan. Addictive Behaviors, 39, 1434-1440. 2014.
6. *Frascella, J., Potenza, M. N., Brown, L. L., & Childress, A. R.* Shared brain vulnerabilities open the way for nonsubstance addictions: Carving addiction at a new joint? Annals of the New York Academy of Sciences, 1187, 294-315. 2010.
7. *Fuchun L., Yan Z., Yasong D., et al:* Abnormal white matter integrity in adolescents with internet addiction disorder: a tract based spatial statistics study. PLoS One. 7(1). 2012.
8. *Gackenbach, J.* (Ed.). Psychology and the Internet: Intrapersonal, interpersonal, and transpersonal implications. Academic Press. 2011.
9. *Gleitman, H., Gross, J., Reisberg, D.* (2011). Psychology. (8th ed.). New York, London. W.W. Norton and Company. p. 849
10. *Griffiths, M. D.* Does Internet and computer "Addiction" Exist? Some case study evidence, CyberPsychology & Behavior, 2000, V. 3 (2), P. 211-218
11. *Griffiths, M. D.* A 'components' model of addiction within a biopsychosocial framework. Journal of Substance Use, 10, 191-197. 2005.
12. *Griffiths, M. D.* Internet «addiction»: an issue for clinical psychology? Clin. Psychol. Forum. N 5. - P. 97:32-3.1996.
13. *Koo, H. J., & Kwon, J. H.* Risk and protective factors of internet addiction: A meta-analysis of empirical studies in Korea. Yonsei Medical Journal, 55, 1691-1711. 2014.
14. *Kraut R, Patterson M, Lundmark V, et al.* Internetparadox. A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? Am Psychol. 53(9). 1017-1031. 1998.

15. *Lam, Lawrence T., Peg, Zi-Wen.* "Effect of Pathological Use of the Internet on Adolescent Mental Health". *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine.* 164 (10): 901-6, 2010.
16. *Pies, R.* (2009). Should DSM-V designate "Internet addiction" a mental disorder? *Psychiatry,* 6, 31-37
17. *Prasad, B.* Social media, health care, and social networking. *Gastrointestinal Endoscopy,*77(3), 492-495.
18. *Reed, L.* Governing (through) the Internet. *European Journal of Cultural Studies,* 5(2), 131-153. 2002.
19. *Shaw M., Black D.* Internet addiction. Definition, assessment, epidemiology and clinical management. *CNS. Drugs* 22 (5), 353-365. 2008.
20. *Shensa, A., Escobar-Viera, C. G., Sidani.* Problematic social media use and depressive symptoms among U.S. young adults: A nationally-representative study. *Social Science & Medicine,*182, 150-157, 2017.
21. *Tao R., Xiuqin H., et al:* Proposed diagnostic criteria for internet addiction. *Addiction* 105 (3), 556-564, 2010.
22. *Wallis D.* New Yorker Magazine. Just Click No. Talk Story about Dr. Ivan K. Goldberg and the Internet Addiction Disorder. Retrieved from. <https://www.newyorker.com/magazine/1997/01/13/just-click-no.25.11.23>.
23. *Young, Kimberly S.* "The Research and Controversy Surrounding Internet Addiction". *CyberPsychology & Behavior.* 2 (5): 381–383. 1999

УДК 81'23

А.Д. Палкин

Московский государственный лингвистический университет
119034, Остоженка, 38 стр.1
Москва, Россия
p-alexis@yandex.ru

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИКАЦИИ С ДЕТЬМИ ПЕРВОГО ГОДА ЖИЗНИ В СВЕТЕ ИХ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО, ПРЕДРЕЧЕВОГО И РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье на разнообразном материале прослеживается процесс становления языковой способности ребенка на протяжении первого года жизни. Показано, что уже на пренатальной стадии ребенок способен воспринимать и запоминать звуки языка, которые произносит мать. Первые вокализации ребенка при рождении несут серьезный эмоциональный заряд. В период новорожденности (первый месяц жизни) эти вокализации имеют преимущественно сигнальный характер. В грудном возрасте (от двух месяцев до года) ребенок постепенно осваивает новые для себя предречевые средства выражения, такие как гуление, гукание и лепет. Ближе к концу первого года жизни ребенок начинает произносить первые слова. Конкретное время произнесения первых слов индивидуально. Приводятся многочисленные примеры первых псевдоречевых и речевых произведений детей в возрасте до года включительно. Эволюция языковой способности тесно связана с эмоциональным развитием ребенка. Даются рекомендации по стимулированию развития языковой способности у детей рассматриваемого возраста. Предполагается, что более раннее развитие языковой способности ускоряет интеллектуальное развитие ребенка. Отдельно оговаривается важность музыки, прежде всего песен, с точки зрения обучения ребенка родному языку. Исполнение песен непосредственно родителями, как показывают научные данные, более эффективно, чем проигрывание записанной музыки.

Ключевые слова: речевое развитие, языковая способность, слова, речь

A. Palkin

ON ORGANISING COMMUNICATION WITH ONE-YEAR-OLDS IN VIEW OF THEIR EMOTIONAL, PREVERBAL AND VERBAL DEVELOPMENT

Abstract. The article is devoted to the analysis of the object and subject areas of the theory of speech activity (SAT) as a theory of domestic psycholinguistics. The purpose of the article is to reveal the internal potential of the SAT for its further development. Such opportunities are seen in

the analysis of its objects, tools and approaches in the SAT. The analysis itself is preceded by a brief presentation of the methodology of domestic psycholinguistics, the originality of which is determined by the fact that it includes the general psychological theory of activity of A.N. Leontyev as a psychological theory. The analysis showed that growth points are in the area of the following problems of SAT. Opportunities for development are found primarily in the extension of research into the ontogeny of language beyond early childhood into middle childhood. It is advisable to expand research into the formation of the assignment of new fragments of the meaning of words throughout human life, especially during periods of professional training. The introduction of a multiple producer and recipient into the object area of psycholinguistics is of significant attractiveness. An attempt to introduce an analysis of the role of language in the process of human personality formation into the object domain of SAT can also be interpreted as promising. Psycholinguistic analysis of the subject meanings of words acquired during the teaching of secondary languages awaits its researchers. A new task for SAT is the reception of the theory of cultural conditioning of subjective experience, developed by V.I. Alexandrov. The general conclusion is that domestic psycholinguistics in the form of SAT has unrealized potential for its development.

Keywords: theory of speech activity, ontogeny of language, ethnic culture, image of the world, linguistic and subject meaning, body of the sign.

Введение

В рамках рассмотрения вопроса естественного овладения языком в раннем онтогенезе речь пойдет о возможностях организации жизни ребенка с точки зрения стимулирования его речевого развития. Рассмотрению будут подвергнуты пренатальный период и первый год жизни ребенка.

Мы опишем основные вехи преречевого и начального речевого развития ребенка и выскажем рекомендации по оптимизации речевой коммуникации с ребенком такого возраста. При этом мы будем опираться как на обширную литературу по данному вопросу, так и на собственный опыт.

Отдельное внимание будет уделено эмоциональному развитию ребенка, которое движется рука об руку с его речевым и интеллектуальным развитием.

Наши соображения могут оказаться полезными как с точки зрения возрастной психолингвистики, так и с точки зрения возрастной педагогики. Стимулирование речевого развития в самом раннем возрасте имеет хотя бы то преимущество, что раннее речевое развитие способствует ускоренному развитию интеллекта. В современном мире это приобретает особую актуальность.

Речь и пренатальное развитие

Сейчас уже можно смело говорить о том, что первые шаги в развитии речевых навыков ребенок совершает еще до своего рождения, то есть в пренатальный период. Поскольку нервная система и слуховой аппарат формируются на достаточно ранней стадии внутриутробного развития, уже в это время ребенок способен воспринимать и в некоторой степени усваивать речь матери. Более того, недавние исследования показали, что ребенок способен даже запоминать материнскую речь во время беременности. «Если она регулярно читает вслух одно и то же стихотворение, то, услышав его после рождения, малыш реагирует именно на это стихотворение, выделяет его из других (что проявляется в изменении ритма сосания соски)» [1, с. 50]. К аналогичным выводам пришли и зарубежные исследователи [27; 30]. Таким образом, можно утверждать, что уже на пренатальном этапе начинает зарождаться первичная социализация ребенка, которая, по А.А. Леонтьеву, заключается в накоплении и усвоении знаний о действительности (где «речевое общение играет бесспорно первенствующую роль»), формировании умений и способностей, а также формировании системы социальных установок, норм, ценностей, то есть формировании ценностной ориентации личности (которая «является всегда предварительной») [13, с. 176–177].

Из этого следует, что психологическое состояние матери в последние месяцы беременности, а также ее соматический опыт, не проходят бесследно для ребенка. Проще говоря, если беременная женщина испытывает некие страдания (прежде всего физического плана), то ребенок их воспринимает и по-своему интерпретирует. Соответственно важной задачей общества и близких людей является максимальное снижение явлений травмирующего характера для беременной женщины. При этом процесс родов сам по себе является для женщины серьезным испытанием, который так или иначе ощущается и переживается ребенком. Если он способен усваивать информацию в период, предшествующий родам, то сам процесс родов –

процесс весьма травматичный для ребенка в том числе в эмоциональном плане. На текущем этапе отсутствуют достоверные данные о степени переживания ребенком данного процесса, но можно предположить, что это является серьезным стрессом для его еще формирующегося организма, с одной стороны, и мировидения, с другой стороны.

К.Г. Юнг утверждал, что «хотя ребенок и не рождается с готовым сознанием, его разум не есть *tabula rasa*» [32, p. 45]. Разумеется, знаменитый психоаналитик говорил так для поддержки своей теории о сознательном и бессознательном, желая подчеркнуть изначально врожденный характер некоторых психических функций человека. Между тем при рассмотрении указанных выше особенностей внутриутробного развития плода безотносительно к воззрениям К. Г. Юнга нам приходится с необходимостью признать, что разум только что появившегося на свет человека есть не *tabula rasa*, а уже находящаяся в процессе формирования субстанция.

Речь и младенчество

Сразу после рождения ребенок, при условии нормального его внутриутробного развития, начинает издавать звуки, которые способны многое сообщить взрослому о потребностях и эмоциональном состоянии младенца. Можно сказать, что выражение эмоций в буквальном смысле слова начинается с самого момента рождения. О какой-либо речи в первый месяц жизни говорить не приходится: система языка, которая характеризуется набором определенных правил и осмысленных знаков, никаким образом не репрезентирована. Между тем, вокализации ребенка с самого рождения позволяют ему передавать свои эмоции. На данном этапе эти вокализации носят в первую очередь сигнальный характер, информируя заботящихся о ребенке взрослых о его состоянии.

Итак, первым произносимым в жизни звуком является, как правило, долгий «а-а». Его значение и физиологическое происхождение трактовались

совершенно по-разному. Трактовки эти нас в данном случае не интересуют. Следует лишь подчеркнуть, что ребенок, несомненно, находится в этот момент в состоянии крайнего аффекта и идет по пути наименьшего сопротивления, произнося звук наиболее простой с точки зрения артикуляции. Большинство взрослых, вероятно, повели бы себя точно так же, окажись они внезапно без одежды на жгучем морозе после теплой уютной кровати.

Реакция взрослых на все вокализации ребенка зависит от конкретной ситуации. С точки зрения лингвистической науки для первого месяца жизни отсутствуют конкретные рекомендации. Ребенок просто нуждается в должной заботе, притом, что в период новорожденности ведущей деятельностью является сосание.

Речь и грудной возраст

Далее – в грудной период – доречевое развитие протекает следующим образом. Первые два – два с половиной месяца крик остается ведущим способом самовыражения ребенка. Выделяют две функции крика: служебно-физиологическую и условно-коммуникативную. Первая проявляется в основном тогда, когда ребенок лежит на спине. В этом положении центры периферической нервной системы находятся как бы в состоянии «застоя». Предполагается, что крик при этом выступает как одно из средств возбуждения периферической нервной системы, выведения ее из «застоя». Вторая функция в свете рассматриваемой проблемы интересует нас в большей степени. Следует пояснить, почему эта функция является не просто коммуникативной, но условно-коммуникативной. Дело в том, что крик младенца приобретает коммуникативное значение только для взрослого. Со стороны ребенка канал «информации» заполняется вокализациями, а со стороны взрослого – предметными действиями, направленными на устранение фактора, породившего состояние дискомфорта [2, с. 12]. То есть,

взрослому не известна причина крика ребенка, но для него она является сигналом к действию: нужно накормить ребенка, запеленать или распеленать его и т. д. Ребенок же вокализирует посредством крика как правило тогда, когда испытывает какое-либо неудобство и как следствие потребность это неудобство устранить. Он «сообщает» о своем «неудовольствии», но «речь» его не направлена к конкретному адресату или адресатам. В то же время в некоторых случаях крик может свидетельствовать о положительном отношении ребенка к ситуации. Так что в целом мы здесь можем говорить о безусловно-рефлекторных реакциях, которые приводят к возникновению крика.

Трансформацией крика являются так называемые вскрики, которые реализуются в ситуациях эмоционально-экспрессивного и психологического дискомфорта, иными словами стресса, то есть вскрики реализуются в ситуациях аффекта с отрицательной характеристикой [Там же, с. 13]. Еще одной разновидностью крика является плач, появление которого относят к концу третьего месяца жизни. Плач является средством выражения различных отрицательных эмоциональных состояний [Там же, с. 12]. Как видим, на первых порах ребенок располагает достаточно большими квазиречевыми средствами для выражения отрицательных эмоций и довольно скудными – для выражения положительных эмоций.

Однако такая ситуация длится недолго. Как известно, в возрасте двух – двух с половиной месяцев появляется гуление. Гуление представляет собой в основном звуки, произносимые при нейтральном положении органов артикуляции или при небольшом смещении языка вперед или вверх. Гуление вмещает в себя неструктурированный компонент вокалического типа и шумовой компонент. Несколько позднее, примерно в возрасте четырех – четырех с половиной месяцев параллельно с гулением начинает развиваться гукание. Гукание характеризуется тем, что ребенок, играя своими артикуляторными органами, продуцирует, собственно, консонантические

элементы, – вибрация губ, движение языка, работа гортани доставляют ему удовольствие, и появляются структуры, состоящие только из консонантических элементов, которые не чередуются с вокалическими. Какое-то время гуление и гукание сосуществуют, но приблизительно к пятому месяцу гуление сходит на нет, а гукание, проявляясь аналогичным образом в параллель с лепетом, исчезает, как правило, к восьмому месяцу жизни.

Основная функциональная особенность гуления и гукания заключается в том, что, в отличие от крика, они реализуются только в эмоционально-положительных ситуациях. Ребенок гулит и гукает в ответ, например, на ласковую речь, обращенную к нему, и тем самым он входит в эмоциональный контакт со взрослым [Там же, с. 13–15]. Такого рода контакт можно назвать первой внешней формой социального контакта ребенка.

Роль лепета в речевом развитии ребенка

Следующий этап – формирование лепетной речи. Исследования показывают, что первые признаки лепета обнаруживаются обычно не раньше пятого месяца после рождения. Лепет представляет собой соединение разнообразных звуков в слогоподобные, словоподобные и фразоподобные элементы. Ребенок употребляет во всевозможных сочетаниях вокали и консонанты, выбор которых осуществляется уже под влиянием родного языка. Иногда невнятное бормотание младенца очень походит на длительный монолог. Со стороны может показаться, что ребенок разговаривает, но если прислушаться внимательно, то станет ясно, что все звуки и интонации, производимые ребенком, не несут никакой смысловой нагрузки. Ребенок как будто развлекается, открывая для себя те возможности, которые предоставляют ему органы речи для воспроизведения звуков.

А.А. Леонтьев ограничивает проявления лепета периодом от пятого до одиннадцатого месяца жизни [14, с. 84]. Схожую информацию предоставляет Н.В. Чрелашвили, относя исчезновение «слов» лепета «приблизительно к 10-

месячному возрасту» [22, с. 8, прим. 2]. Некоторые исследователи, однако, относят верхнюю границу лепетной речи к 18–19 месяцу жизни [16, с. 21]. Обе точки зрения верны. Если примерно до 10–11 месяца жизни лепет является ведущей формой детской «речи», то после он утрачивает свои ведущие позиции, уступая место словоформам, появление которых является необходимым звеном подготовки к собственно грамматической речи. Но часто бессмысленные псевдослова детского лепета еще некоторое время сосуществуют с формами, которые действительно являются смысловыми единицами, языковыми знаками. В этом случае можно говорить о продолжении лепета, а можно выделить периоды «синтагматической фонетики» и «парадигматической фонетики», как и предлагает в своей периодизации А.А. Леонтьев. Сущность от этого не меняется. Таким образом, здоровый ребенок прибегает к лепету в общей сложности в течение 13–15 месяцев, но только в течение пяти-семи месяцев на первом году жизни лепету отводится главенствующая роль.

Пока что сложно с однозначностью определить, является ли лепет средством установления контакта между ребенком и взрослыми, но большинство исследователей сходятся во мнении, что лепет, являясь маркером эмоционально неотрицательных состояний ребенка, возникает не только в присутствии взрослых, но и в полном одиночестве [Там же]. Важное приобретение, которое дает лепет ребенку, – появление способности свободного употребления гласных и согласных звуков. Другим не менее важным приобретением является псевдослово, появление которого А.А. Леонтьев относит примерно к шестому месяцу жизни [14, с. 87]. Это своеобразный эквивалент слова. Хотя в целом считается, что лепет не несет в себе какой-либо коммуникативной значимости, в некоторых частных случаях даже эти бессмысленные сочетания звуков принимают функциональную нагрузку, что, по А.А. Леонтьеву, обуславливается артикуляционной стабильностью ряда форм. Например, такое сочетание, как [н'а], может

«означать» конкретно реакцию на кормление или сигнал о голоде [Там же, с. 88]. Опять же и в этот период еще рано говорить о грамматических конструкциях. Если определенные звуко сочетания и употребляются только в соответствующих контекстах, то употребление это крайне индивидуально. То есть, каждый ребенок может иметь свой собственный набор звуков, реагируя на кормление, либо вообще не иметь постоянного псевдослова для этой реакции. Однако допустимо считать, что каждый ребенок может располагать рядом псевдослов, которые стабильно употребляются в определенных ситуациях, хотя систематизировать эти слова каким-либо образом не представляется возможным ввиду крайней их «индивидуализированности». Что касается выражения эмоциональных состояний, то также вполне допустимо, что дети в период лепета могут прибегать к одним и тем же словоподобным сегментам при проявлении ряда эмоций, но соответствующие способы выражения варьируются от ребенка к ребенку и могут быстро видоизменяться. Один из примеров такого рода «стабильных» форм содержится в дневниковых записях Н.И. Гавриловой (ребенку седьмой месяц): «...лепечет шепотом, "па-па", и сегодня первый раз "ма-ма", когда захотел, чтобы его взяли из коляски» [6, с. 11]. Для окончательного разрешения этого вопроса, однако, необходимо специальное наблюдение.

Споры о роли лепета в развитии речи ведутся давно. О.Х. Маурер [34] считал, что лепет подготавливает речь, так как в лепете присутствуют звуки всех языков мира, а позднее сохраняются только те звуки, которые получают подкрепление со стороны родителей в виде положительного отношения. Однако экспериментальные данные не подтвердили этой версии: «1) в дальнейшем в речи ребенка, особенно в начале и в конце слогов, имеется много звуков, не произносимых в лепете; 2) родители обычно положительно подкрепляют не отдельные звуки, а всю вокализацию ребенка; 3) когда дети начинают говорить, они часто не в состоянии произнести те звуки, которые легко произносятся в лепете (р, л)» [10, с. 65]. Вместе с тем также неверно

было бы говорить и об отсутствии связи лепета с речевым развитием. Во-первых, как уже отмечалось, лепет часто продолжается и после вступления ребенка в речевую фазу. Во-вторых, в фонетическом составе лепета наблюдаются последовательности, которые позднее, как показал Р. Якобсон [31], обнаруживаются в словах. Наконец, ряд интонационных контуров лепета встречается позже в детской речи. Эти данные позволили Х. Кларк и Е. Кларк заключить, что на интонационном уровне преемственность между лепетом и настоящей речью наблюдается [26, р. 390]. «Е. Кларк и Х. Кларк показали, что отношение между лепетом и речью не однозначно: лепет бывает необходим для образования артикуляционного контроля в речедвигательном тракте и может тренировать ребенка в произнесении последовательности звуков с определенной интонацией» [10, с. 66].

Появление первых слов

Согласно введенной Д.Б. Элькониным периодизации психического развития в детском возрасте, рассматриваемый нами период грудного возраста характеризуется непосредственно-эмоциональным общением, выступающим со стороны ребенка как ведущая деятельность. Грудной возраст принято ограничивать возрастом от двух месяцев до года. Д.Б. Элькониному удалось показать, что «непосредственно-эмоциональное общение со взрослыми представляет собой ведущую деятельность младенца, на фоне и внутри которой формируются ориентировочные [по Л.И. Божович. – Авт.] и сенсо-моторно-манипулятивные [по Ж. Пиаже. – Авт.] действия» [24, с. 14]. Хочется также обратить внимание на выдвинутое Д.Б. Элькониным в той же работе положение о том, что развитие аффекта и интеллекта следует рассматривать не отдельно, но в «динамическом единстве». Из этого можно заключить, что развитие эмоций ребенка, в первый год жизни находящее выражение преимущественно в невербальных средствах, тесно связано с совершенствованием интеллектуальных процессов, которые, как известно, в

свою очередь зависят от развития нервной системы, и мозговых структур, в частности.

Если задуматься об организации жизни ребенка на данном этапе, то можно рекомендовать максимизировать речевое общение с ним, несмотря на то что сам он еще не в состоянии пользоваться речью в какой бы то ни было степени. Заблуждением является мысль о том, что раз ребенок еще не умеет говорить, то и разговаривать с ним нет необходимости. Обращенная к нему речь так или иначе анализируется и запоминается ребенком – как минимум в своих интонационных моделях. Теоретически чем больше с ребенком вступают в речевой контакт, тем быстрее он сам сможет заговорить. Сын автора данной статьи уже в 6 месяцев начал произносить слово “окау”, так как папа любил его повторять. Раннее речевое развитие способно стимулировать и более быстрое развитие интеллектуальных способностей.

Возвращаясь к принятому ходу повествования, мы подходим к окончанию так называемого доречевого этапа. Очевидным признаком его завершения является появление у ребенка первых произносимых слов. Слова эти еще нечленораздельны и нередко с трудом поддаются адекватной интерпретации. Их скорее можно сравнить с междометиями в нормативном языке. Да и словами эти детские речения часто называют условно ввиду их крайне нечеткой оформленности. И все-таки у них имеется явное отличие от употреблявшихся ранее псевдослов, или слоноподобных сегментов. Слова, во-первых, несут коммуникативную направленность, во-вторых, приобретают осмысленность, а главное, выражают конвенциональное значение вследствие установления способности к абстрагированию.

Хотя у разных детей своя скорость развития языковой способности, известно, что первые слова возникают ближе к кризису первого года. «Цифры показывают, что появление первых слов чаще всего совпадает с последней четвертью первого года и первой четвертью – второго. Наибольшее число случаев приходится на десятый месяц» [20, с. 20].

И здесь со всей очевидностью выступает связь психического и речевого развития. «Знаменательным поворотным пунктом является 10-й мес, когда по исчезновению бесцельных движений наблюдаются зачатки дальнейшего развития более сложных форм поведения: первое применение орудия и употребление слов, выражающих желание» [5, с. 284]. Эти данные в целом согласуются с периодизацией, предложенной А.А. Леонтьевым [14]. Р.И. Водейко также относит появление первых слов к десятому месяцу жизни. При этом он отмечает, что факту произнесения слов (наличие сенсорно-моторного словаря) предшествует простое их понимание без произнесения (наличие сенсорного словаря). «К моменту появления у ребенка первых произносимых слов у него в сенсорном словаре, то есть в словаре, состоящем из слов, несущих для ребенка информацию, но не произносимых им самим, насчитывается около 10–20 слов (по Д.Б. Эльконину) или даже 50–100 слов (по П. Каптереву)» [4, с. 3]. Более раннее появление сенсорного словаря легко объяснимо более быстрым развитием речеслухового аппарата по сравнению с речедвигательным. Это ясно показали в своих исследованиях А.Н. Гвоздев, Н.Х. Швачкин, М.М. Кольцова и многие другие. По данным Р.И. Водейко, элементарный в семантическом отношении сенсорный словарь впервые появляется в возрасте семи – десяти месяцев. В количественном отношении сенсорный словарь на первых порах, естественно, преобладает над сенсорно-моторным. И такое соотношение слов в этих словарях наблюдается примерно до полутора лет [Там же]. Единственная поправка, которую можно было бы внести в приведенные данные, – это нижняя граница появления сенсорного словаря. Если некоторые дети, наблюдавшиеся группой исследователей под руководством А.Н. Рыбникова (см. выше), в семь месяцев уже произносили первые слова, то формирование сенсорного словаря у них могло начаться и ранее седьмого месяца. Можно сказать, что сын автора данной статьи установил своего рода рекорд, начав произносить первое слово в шесть месяцев. Это крайне редкий случай. Резюмируем, что в среднем периодом

появления первых произносимых слов, или периодом формирования сенсорно-моторного словаря, следует считать возраст от десяти месяцев до года.

Следует подчеркнуть, что время возникновения первых слов и вообще их последующий количественный прирост не могут позволить какому-либо ребенку в конечном счете обогнать своих сверстников в качественном владении языковой способностью. Как бы ни проходило речевое развитие в онтогенезе, все дети, лишенные явных аномалий, оказываются в конце концов на приблизительно одинаковом уровне владения родным языком. Чтобы эта мысль стала более понятной, придется забежать немного вперед, повторив слова Е.Ю. Протасовой: «Как известно, первоначальные ступени овладения речью – этап 1–3-словных предложений – у разных детей по-разному экстериоризован. Они могут быть растянуты во времени, а могут до 3–4 лет проходить без внешнего выражения. Качественный прирост языковой способности от этого, по-видимому, не страдает именно потому, что он происходит на основе усвоения речи в плане понимания и в ходе овладения базовыми структурами деятельности» [17; 36].

Было замечено, например, что девочки начинают произносить первые слова в общей сложности раньше, чем мальчики [35, р. 298], но это, однако, не становится определяющим фактором в отношении скорости становления языковой способности в раннем онтогенезе.

С психологической точки зрения, в возрасте одного года у ребенка происходит и смена ведущей деятельности: если раньше главенствующая роль отводилась непосредственно-эмоциональному общению со взрослыми, то теперь перед ребенком открываются широкие возможности манипулирования с окружающими предметами и произведения с ними различных действий. «Итак, есть основания полагать, что именно предметно-орудийная [или, по В.В. Давыдову, предметно-манипуляторная [9, с. 45]. – Авт.] деятельность, в ходе которой происходит овладение общественно

выработанными способами действий с предметами, является ведущей в раннем детстве» [24, с. 15]. Предметно-манипуляторная деятельность остается ведущей приблизительно до трех лет, способствуя формированию и развитию понятий. Если вначале ребенок отождествляет слово и предмет, то позднее слово приобретает для него личностный смысл, чему способствует предметная деятельность, которая для ребенка раннего возраста воплощается главным образом в игровой форме и в которую он охотно включается. Экспериментально важность роли практических действий в развитии понятийных отношений исследована, в частности, М.М. Кольцовой, которая показала, что для того, чтобы слово-название стало словом-понятием, на него надо выработать большое число именно двигательных условных связей [11, с. 58].

Тут же следует отметить две четко различающиеся тенденции в подходе детей к овладению человеческой речью. Дело в том, что всех детей рассматриваемого возраста можно разделить на две группы, в каждой из которых наблюдается различный подход к оформлению высказывания. Известно, что на первых порах все высказывания ребенка представляют собой однословные предложения. Часто эти слова-предложения невозможно адекватно интерпретировать вне известного контекста. Не менее часто для понимания интенций годовалого ребенка необходим учет его жестов, мимики и интонаций. То есть, находящаяся на начальной стадии формирования речь испытывает большую зависимость от многих экстралингвистических факторов. И тем не менее эти словесные произведения ребенка уже можно назвать речевыми действиями в полном смысле слова.

Так вот, с самого начала дети примыкают к одному из двух методов изъяснения. Выдвинутое в конце девятнадцатого века И.А. Сикорским положение о двух главных направлениях в развитии речи и поныне остается общепризнанным в науке о детской речи. А именно: «Одни дети, по преимуществу, останавливаются на тщательном изучении звуков слова и с

большой внимательностью и метко схватывают или запоминают один или несколько звуков слова. Эти немногие, но действенные звуки служат для них представителем целого, иногда длинного слова, так, напр., ребенок говорит: *мо* или *моко* – вместо *молоко*; *гла* – вместо *глазки*; *си* – вместо *принеси*... Другие дети, наоборот, главным образом схватывают слоговой состав слова, мало обращая внимания на ознакомление со звуками. Слова, произносимые этими детьми, большей частью весьма точно отвечают по количеству слогов словам взрослых, но по составу звуков чрезвычайно отличаются от них, напр., ребенок говорит: *какой киску* вместо *закрой крышку*, *нананок* – *огонек*, *нанаик* – *фонарик*...» [22, с. 142 и сл.]. Следует, опять же, отметить, что какое бы направление ни предпочел ребенок, он в конечном счете должен прийти к нормативным паттернам родного языка.

Первые слова и эмоции

Теперь об отношении первых детских слов к выражению эмоций. Е.И. Исенина подчеркивает, что в основе слов, появляющихся в первую очередь, лежит наглядное обобщение. Слова этого типа носят яркую эмоциональную окраску самого разнообразного содержания. В то же время наличествуют разные названия для одной и той же вещи и, с другой стороны, многозначность слов. Слова еще лишены постоянного значения. И этот период длится от двух до трех с лишним месяцев после появления первых слов [10, с. 126]. На «эмоциональном» смысле ранних этапов развития речи настаивает и Г.М. Бреслав [3, с. 72].

Так как повелительное наклонение в любом возрасте часто используется в ситуации с эмоциональной окраской, необходимо рассмотреть весь ход его становления. Императив во втором лице единственного числа с соответствующей интонацией – яркий пример проявления сплава волюнтаривных и эмоциональных потребностей ребенка – как правило фигурирует в числе первых слов. Например, видоизменение этой формы у

ребенка, наблюдаемого В.К. Радзиховской, проходило в следующей последовательности: «дай» (0,7; отнесено автором в разряд лепетных слов), «дать» (0,8), «на!» (0,11), «надо» (1,0), «най» (1,10) [19, с. 99]. Ребенок В.А. Рыбниковой-Шиловой впервые употребил рассматриваемую форму в 0,11,1: *да-да-да* (в смысле «дай») [21, с. 51]. При этом в условиях отсутствия других, противопоставленных глагольных форм «данная форма по своему содержанию значительно шире повелительного наклонения; более того, ее семантика шире глагольной, ср.: «писи» – 1) пиши, 2) карандаш» [18, с. 99].

В ходе обзора имеющихся в распоряжении ребенка в конце первого года грамматических способов выражения эмоций необходимо упомянуть междометия. В сущности, подобные междометиям восклицания типа «а!», «ой!», «ух!» можно зафиксировать еще на стадии лепета. Восклицания такого типа являются естественной реакцией в аффективном состоянии. Таким образом, можно констатировать раннее возникновение форм междометий в детском языке. Вот несколькими примеров, показывающих, что междометия действительно рано появляются в детской речи и употребляются вполне осмысленно. По наблюдению Н.И. Гавриловой [6, с. 15], ее ребенок в возрасте 0,8,28 пытался отгонять от себя мух, крича на них «кых!»; такого же рода свидетельство находим в дневнике В.А. Рыбниковой-Шиловой [21, с. 53]: в 0,11,29 ребенок гонял кур возгласами «кых!» или, проще, «ки!». А вот характерный пример полисемии относительно междометия «ах». А.Ф. Левоневский описывает поведение своего ребенка в 1,2: «Елка сильно возбудила его: он то кружился на одном месте, то бегал в разных направлениях, издавая радостные звуки и заливаясь громким хохотом. Елка, видимо, доставила ему большое удовольствие: указывая на нее рукой, он с довольным видом говорил: «ах», что на его языке означало вообще все вкусное и нравящееся ему» [12, с. 134–135]. Кроме того, известно, что взрослые часто достаточно рано говорят детям, как произносятся звуки, издаваемые животными, птицами, насекомыми, а также способы обращения

к ним («гав-гав», «цок-цок», «цып-цып», «но-но», «тпру», «кыш» и т. п.). Естественно, легкость артикуляции этих звукосочетаний способствует их скорейшему усвоению. В числе первых слов усваиваются и обращения, главным образом к близким людям.

Обобщить сказанное можно следующим образом: в период перехода от лепета к речи «наряду с лепетными структурами оформляется и используется детьми особая группа звуковых элементов, цель которых – более полная и адекватная передача различных эмоциональных состояний ребенка. Функционально и структурно эти единицы соответствуют междометиям (уф, ай, ой)» [15, с. 7]. Более того, «корни междометий лежат в звукоподражательных элементах и в произвольных формах выражения эмоций. Однако постепенно эти единицы приобретают условный, произвольный характер и служат средством преднамеренной передачи эмоций или желания/нежелания контакта» [Там же, с. 8]. Таким образом, одной из основных функций детских междометий является выражение эмоционального отношения к ситуации. Интенсивность и характер эмоциональной реакции зависит от конкретной ситуации.

Очень часто междометия в ранней детской речи выполняют функцию самостоятельных частей речи. Например, произнесенную своим сыном фразу «мама бо-бо» А.Н. Гвоздев расшифровывает как «маме больно» [7, с. 164]. Междометия типа «бух», «бах» появляются в числе первых слов у многих детей и долгое время выполняют функцию глагола со значением «падать, упасть». Активное использование междометных форм в качестве различных самостоятельных частей речи в конце первого – начале второго года жизни показано в работе супругов Гоер [8, с. 45]. Интересно, что, когда подчиненность речи эмоциям сходит на нет, междометия в значении других частей речи начинают все в большей и большей степени замещаться словоформами соответствующих частей речи.

Характерным является то, что после появления первых слов ребенок как будто притормаживает в своем речевом развитии: в течение нескольких месяцев не происходит ни прироста словаря, ни увеличения длины высказываний; нередко создается впечатление, что ребенок вообще начал регрессировать. Но это впечатление основано на чисто внешних факторах. В действительности ребенок проводит активную внутреннюю работу, готовясь к резкому «скачку» в своем речевом развитии, который и происходит несколькими месяцами позже.

Как мы видим, период грудного возраста заканчивается, как правило, на фоне появления у ребенка первых слов. На этом этапе важно изменить организацию жизни ребенка таким образом, чтобы лексемы родного языка усваивались более эффективно. Особое значение на данном этапе начинает играть музыка, прежде всего песни. На это указывали многие исследователи в области педагогики и когнитивного развития (например, [29; 33]). Прослушивание ребенком аудиозаписей, несомненно, имеет свой эффект, но значительно важнее, чтобы родители сами пели своим детям песни, тем самым закрепляя эмоциональный контакт и передавая через пение целую палитру языковой и экстралингвистической информации. Солидаризируемся с утверждением Л. К. Сирелли, С. И. Трехаб и Л. Дж. Трейнор о том, что музыкальная вовлеченность младенцев во многом социально обусловлена и мультимодальна. «Когда ухаживающие за младенцами обнимают их и нежно качают, напевая знакомую песню, они транслируют сложную сенсорную, общественную и аффективную информацию. Этот мультимодальный, характеризующийся взаимной активностью опыт с высокой степенью вероятности оказывает на младенцев большее влияние, чем пассивное восприятие записанной музыки. Хотя ухаживающие за младенцем проигрывают записанную музыку дома, она часто является лишь дополнением к музыкальной игре, характеризующейся взаимной активностью, а не заменяет ее. Взаимодействие посредством музыки между

родителями и младенцами, по всей видимости, укрепляет связь между ними, обеспечивая общественно-познавательный эффект вовлечения в мир музыки на многие годы вперед» [25, р. 70].

Таким образом, на текущем этапе развития науки первостепенной рекомендацией является самостоятельное исполнение родителями песен в ходе взаимодействия с ребенком грудного возраста.

Заключение

Итак, мы показали, как развивается языковая способность ребенка в период от пренатального развития до первого года жизни и дали ряд рекомендаций по организации взаимодействия родителей и ребенка в указанный период. Организация его жизнедеятельности со стороны взрослых может быть исключительно ситуативной.

Мы утверждаем, что организация такого взаимодействия должна начинаться еще на пренатальном этапе. Так как ребенок на поздней стадии внутриутробного развития слышит, воспринимает и запоминает поступающую к нему от матери звуковую информацию, уже на этом этапе от матери требуется спокойствие и минимизация чрезмерно эмоциональных высказываний. Разумеется, ребенок в утробе еще не в состоянии понимать смысл речи матери, но он улавливает интонации и соответствующий эмоциональный настрой. Агрессивное или депрессивное состояние матери, следовательно, может передаваться ребенку. Здесь речь не о собственно речевом развитии, а о психоэмоциональном состоянии ребенка, которое начинает зарождаться еще до появления на свет.

Роды – весьма травматичный процесс не только для матери, но и для ребенка. Это огромный стресс для обоих. Этот стресс будет пережит ребенком менее болезненно, если в утробе матери он не подвергался избыточному воздействию стрессогенных интонаций. Как бы это ни было сложно, беременной женщине следует минимизировать речевое сопровождение

отрицательных эмоций. Таковых в принципе желательно избегать, но если мы рассматриваем ситуацию с точки зрения ограждения ребенка от нежелательного стресса, то матери можно рекомендовать избегать криков и плача.

После рождения ребенка наступает период новорожденности, который длится в течение месяца. На этом этапе в арсенале ребенка имеются только крик и плач как псевдоречевые сигналы о собственных негативно переживаемых состояниях.

Постепенно у ребенка развиваются более продуктивные предречевые вокализации: гуление, гукание, лепет. Ближе к концу первого года жизни у ребенка возникают первые слова. Некоторые дети начинают произносить первые слова позже. Это не следует рассматривать как отклонение в психическом или речевом развитии: языковая способность у всех эволюционирует индивидуально. В норме дети по мере взросления выравниваются по уровню владения родным языком.

В случае с грудным возрастом настоящей рекомендацией является исполнение родителями песен на всех этапах предречевого и речевого развития ребенка, с тем чтобы стимулировать процессы усвоения языка. Проигрывание записанной музыки также можно рассматривать как эффективное средство, однако ничто не способно заменить живого общения родителя и ребенка. Когда ребенок еще не умеет разговаривать, именно в песнях взрослый способен донести до него ритмику и мелодику родного языка.

Литература

1. *Авдеева Н.Н., Мещерякова С.Ю.* Вы и младенец: у истоков общения. М.: Педагогика, 1991. 158 с.
2. *Базжина Т.В.* Психолингвистический анализ некоторых этапов доречевого периода. - Становление речи и усвоение языка ребенком / Под ред. Ю.В. Рождественского. М.: Издательство МГУ, 1985. С. 6–20.

3. *Бреслав Г.М.* Эмоциональные особенности формирования личности в детстве: Норма и отклонения. М.: Педагогика, 1990. 160 с.
4. *Водейко Р.И.* Ранние этапы онтогенеза речи. Минск, 1968. Автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук.
5. *Выготский Л.С.* Вопросы детской (возрастной) психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений в шести томах. М., 1984. Т. 4. С. 243–385.
6. *Гаврилова Н.И.* Дневник Левика // Гаврилова Н.И., Стахорская М.П. Дневник матери. Записки о душевном развитии ребенка от рождения до семилетнего возраста. М.: Книгоиздат. «Практические знания», 1916. С. 1–92.
7. *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1961. 471 с.
8. *Гоер А.Э., Гоер (Дерягина) Г.* Первый период языковой деятельности ребенка (по наблюдениям за нашим сыном) // Детская речь / Под ред. А.Н. Рыбникова. М.: Книжная фабрика Центриздата народов СССР, 1927. С. 23–50.
9. *Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения: опыт теоретических и экспериментальных психологических исследований. М.: Педагогика, 1986. 239 с.
10. *Исенина Е.И.* Дословесный период развития речи у детей. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1986. 162 с.
11. *Кольцова М.М.* Ребенок учится говорить. М.: Советская Россия, 1973. 160 с.
12. *Левоневский А.* Мой ребенок: Наблюдения над психическим развитием мальчика в течение первых четырех лет его жизни. СПб.: О. Богданова, 1914. 216 с.
13. *Леонтьев А.А.* Психология общения. М.: Смысл, 1997. 364 с.
14. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Наука, 1965. 245 с.
15. *Лепская Н.И.* Онтогенез речевой коммуникации. М., 1989. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук.
16. *Носиков С.М.* Опыт фонетического описания лепета (организация слога и ритмической структуры) // Становление речи и усвоение языка ребенком / Под ред. Ю.В. Рождественского. М., 1985. С. 21–33.
17. *Протасова Е.Ю.* Развитие семантики высказывания в детской речи (психолингвистический анализ). М., 1986. Диссертация ... кандидата филологических наук.
18. *Пупынин Ю.А.* Системные связи грамматических категорий глагола в процессе усвоения языка ребенком // Развитие речи детей и обучение языкам (тезисы выступлений на научном совещании). М.: АН СССР, Институт языкознания, 1989. С. 99–100.
19. *Радзиховская В.К.* Из наблюдений над семантической структурой слов в детской речи (на материале речи ребенка до 3 лет) // Детская речь как предмет лингвистического изучения / Отв. ред. С.Н. Цейтлин. Л.: ЛГПИ, 1987. С. 98–106.

20. Рыбников Н. Язык ребенка. М. – Л.: Государственное издательство, 1926. 83 с.
21. Рыбникова-Шилова В.А. Мой дневник: Записки о развитии ребенка от рождения до 3 ½ лет. Орел: Государственное издательство, Орловское отделение, 1923. 171 с.
22. Сикорский И.А. Сборник научно-литературных статей по вопросам общественной психологии, воспитания и нервно-психической гигиены, в пяти книгах. Кн. 2. Киев – Харьков: Южно-русское книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1899. 336 с.
23. Чрелашвили Н.В. Психологическая природа возникновения речи в онтогенезе. Тбилиси, 1966. Автореферат диссертации ... доктора педагогических наук (по психологии).
24. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. №4. С. 6–20.
25. Cirelli, L. K., Trehub, S. E., & Trainor, L.J. Rhythm and melody as social signals for infants // Annals of The New York Academy of Sciences. Special Issue: The Neurosciences and Music VI (Volume 1423). 2018. P. 66–72.
26. Clark, H.H. & Clark E.V. Psychology and language: an introduction to psycholinguistics. New York – Chicago – San Francisco – Atlanta: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1977. 608 p.
27. DeCasper, A., & Spence, M. Prenatal maternal speech influences newborn perception of speech sounds. *Infant Behavior & Development*. 1986. No. 9(2). P. 133–150.
28. Gudmundsdottir, H.R. The importance of music in early childhood: Perspectives from research and practice // *Perspectives Journal of the Early Childhood Music & Movement Association*. 2017. No. 12:1. P. 9–16.
29. Gerry, D., Unrau, A., & Trainor L. J. Active music classes in infancy enhance musical, communicative and social development. *Developmental Science*. 2012. No. 15. P. 398–407.
30. Hepper, P. Fetal memory: Does it exist? What does it do? // *Acta Paediatrica*. 1996. No. 85P. 16–20.
31. Jacobson R. Studies on child language and aphasia. The Hague – Paris: Mouton, 1971. 132 p.
32. Jung C.G. Analytical psychology: its theory and practice: the Tavistock lectures. New York: Vintage Books, 1968. 224 p.
33. Mendoza, J.K. & Fausey, C.M. Everyday music in infancy // *Developmental Science*. 2021. No. 24(6).
34. Mowrer, O.H. Learning theory and the symbolic processes. New York: Wiley, 1960. 473 p.
35. Young, G. Manual specialization in infancy: Implications for lateralization of brain function // Segalowitz, S. J. & Gruber F. A. (eds.). *Language development and neurological theory*. New York – San Francisco – London: Academic Press, 1977. P. 289–311.

References

1. *Avdeeva N.N., Meshherjakova S.Ju.* Vy i mladenec: u istokov obshhenija. M.: Pedagogika, 1991. 158 s.
2. *Bazzhina T.V.* Psiholingvisticheskiy analiz nekotoryh jetapov dorechevogo perioda. - Stanovlenie rechi i usvoenie jazyka rebenkom / Pod red. Ju.V. Rozhdestvenskogo. M.: Izdatel'stvo MGU, 1985. S. 6–20.
3. *Breslav G.M.* Jemocional'nye osobennosti formirovanija lichnosti v detstve: Norma i otklonenija. M.: Pedagogika, 1990. 160 s.
4. *Vodejko R.I.* Rannie jetapy ontogeneza rechi. Minsk, 1968. Avtoreferat dissertacii ... kandidata pedagogicheskikh nauk.
5. *Vygotskiy L.S.* Voprosy detskoj (vozrastnoj) psihologii // Vygotskiy L.S. Sobranie sochinenij v shesti tomah. M., 1984. T. 4. S. 243–385.
6. *Gavrilova N.I.* Dnevnik Levika // Gavrilova N.I., Stahorskaja M.P. Dnevnik materi. Zapiski o dushevnom razvitii rebenka ot rozhdenija do semiletnego vozrasta. M.: Knigoizdat. «Prakticheskie znaniya», 1916. S. 1–92.
7. *Gvozdev A.N.* Voprosy izuchenija detskoj rechi. M.: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1961. 471 s.
8. *Goer A.Je., Goer (Derjagina) G.* Pervyj period jazykovoj dejatel'nosti rebenka (po nabljudenijam za nashim synom) // Detskaja rech' / Pod red. A.N. Rybnikova. M.: Knizhnaja fabrika Centrizdata narodov SSSR, 1927. S. 23–50.
9. *Davydov V.V.* Problemy razvivajushhego obuchenija: opyt teoreticheskikh i jeksperimental'nyh psihologicheskikh issledovanij. M.: Pedagogika, 1986. 239 s.
10. *Isenina E.I.* Doslovesnyj period razvitija rechi u detej. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1986. 162 s.
11. *Kol'cova M.M.* Rebenok uchitsja govorit'. M.: Sovetskaja Rossija, 1973. 160 s.
12. *Levonevskij A.* Moj rebenok: Nabljudenija nad psihicheskim razvitiem mal'chika v techenie pervyh chetyreh let ego zhizni. SPb.: O. Bogdanova, 1914. 216 s.
13. *Leont'ev A.A.* Psihologija obshhenija. M.: Smysl, 1997. 364 s.
14. *Leont'ev A.A.* Slovo v rechevoj dejatel'nosti: Nekotorye problemy obshej teorii rechevoj dejatel'nosti. M.: Nauka, 1965. 245 s.
15. *Lepskaja N.I.* Ontogenez rechevoj kommunikacii. M., 1989. Avtoreferat dissertacii ... doktora filologicheskikh nauk.
16. *Nosikov S.M.* Opyt foneticheskogo opisanija lepeta (organizacija sloga i ritmicheskoj struktury) // Stanovlenie rechi i usvoenie jazyka rebenkom / Pod red. Ju.V. Rozhdestvenskogo. M., 1985. S. 21–33.
17. *Protasova E.Ju.* Razvitie semantiki vyskazyvanija v detskoj rechi (psiholingvisticheskiy analiz). M., 1986. Dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk.

18. *Pupynin Ju.A.* Sistemnye svjazi grammaticheskikh kategorij glagola v processe usvoenija jazyka rebenkom // *Razvitie rechi detej i obuchenie jazykam (tezisy vystuplenij na nauchnom soveshhanii)*. M.: AN SSSR, Institut jazykoznanija, 1989. S. 99–100.
19. *Radzihovskaja V.K.* Iz nabljudenij nad semanticheskoj strukturoj slov v detskoj rechi (na materiale rechi rebenka do 3 let) // *Detskaja rech' kak predmet lingvisticheskogo izuchenija / Otv. red. S.N. Cejtlin*. L.: LGPI, 1987. S. 98–106.
20. *Rybnikov N.* Jazyk rebenka. M. – L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. 83 s.
21. *Rybnikova-Shilova V.A.* Moj dnevnik: Zapiski o razvitii rebenka ot rozhdenija do 3 ½ let. Orel: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Orlovskoe otdelenie, 1923. 171 s.
22. *Sikorskij I.A.* Sbornik nauchno-literaturnyh statej po voprosam obshhestvennoj psihologii, vospitanija i nervno-psihicheskoj gigieny, v pjati knigah. Kn. 2. Kiev – Har'kov: Juzhno-russkoe knigoizdatel'stvo F.A. Iogansona, 1899. 336 s.
23. *Chrelashvili N.V.* Psihologicheskaja priroda vznikovenija rechi v ontogeneze. Tbilisi, 1966. Avtoreferat dissertacii ... doktora pedagogicheskikh nauk (po psihologii).
24. *El'konin D.B.* K probleme periodizacii psihicheskogo razvitija v detskom vozraste // *Voprosy psihologii*. 1971. №4. S. 6–20.
25. *Cirelli, L. K., Trehub, S. E., & Trainor, L.J.* Rhythm and melody as social signals for infants // *Annals of The New York Academy of Sciences. Special Issue: The Neurosciences and Music VI (Volume 1423)*. 2018. P. 66–72.
26. *Clark, H.H. & Clark E.V.* Psychology and language: an introduction to psycholinguistics. New York – Chicago – San Francisco – Atlanta: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1977. 608 p.
27. *DeCasper, A., & Spence, M.* Prenatal maternal speech influences newborn perception of speech sounds. *Infant Behavior & Development*. 1986. No. 9(2). P. 133–150.
28. *Gudmundsdottir, H.R.* The importance of music in early childhood: Perspectives from research and practice // *Perspectives Journal of the Early Childhood Music & Movement Association*. 2017. No. 12:1. P. 9–16.
29. *Gerry, D., Unrau, A., & Trainor L. J.* Active music classes in infancy enhance musical, communicative and social development. *Developmental Science*. 2012. No. 15. P. 398–407.
30. *Hepper, P.* Fetal memory: Does it exist? What does it do? // *Acta Paediatrica*. 1996. No. 85P. 16–20.
31. *Jacobson R.* Studies on child language and aphasia. The Hague – Paris: Mouton, 1971. 132 p.

32. *Jung C.G.* Analytical psychology: its theory and practice: the Tavistock lectures. New York: Vintage Books, 1968. 224 p.

33. *Mendoza, J.K. & Fausey, C.M.* Everyday music in infancy // *Developmental Science*. 2021. No. 24(6).

34. *Mowrer, O.H.* Learning theory and the symbolic processes. New York: Wiley, 1960. 473 p.

Young, G. Manual specialization in infancy: Implications for lateralization of brain function // *Segalowitz, S. J. & Gruber F. A. (eds.)*. Language development and neurological theory. New York – San Francisco – London: Academic Press, 1977. P. 289–311.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ / DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

УДК 81'23
5.9.8

И.Г. Никитичев

Курский государственный университет
305000, ул. Радищева, 33
Курск, Россия
ignikitichev@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЁМЫ «УБЕЖДЕНИЯ» В АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ БИЛИНГВОВ

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа речевого поведения билингва в академической коммуникации, обусловленного выбором языковых единиц, направленных на убеждение. Выбор слова билингом в исследовании обосновывается в соответствии с речевыми приёмами доказательного аргументирования. Исследование речевого поведения билингов направлено на выделение языковых средств речевого воздействия, которые используются при трансляции научного знания в жанре научной статьи. Выявлено, что вербальная составляющая речи билингва определяется не только номинативными единицами научного стиля, но и сознательным использованием экспрессивных лексико-грамматических конструкций как вспомогательных средств, реализующих речевое воздействие, облегчающих понимание транслируемого научного знания на иностранном языке. Именно такие языковые приёмы отражают специфические особенности речи билингва в академической коммуникации. Билингв при передаче нового знания транслирует академическую идентичность как принадлежность к международному научному сообществу, при этом сохраняет в речи культурную идентичность. Результаты и выводы исследования могут представлять интерес для специалистов в области академического дискурса.

Ключевые слова: академическая коммуникация, билингвы, языковые приемы, речевое воздействие, идентичность.

Nikitichev I.G.

LANGUAGE OF PERSUASION IN BILINGUAL ACADEMIC COMMUNICATION

Abstract. The paper attempts to analyze the speech behavior of a bilingual in academic communication which is determined by the choice of linguistic units aimed at persuasion. The bilingual's word choice in the study is explained in accordance with the speech techniques of evidentiary argumentation. The study of bilinguals' speech behavior is aimed at highlighting the linguistic means of speech influence which are used in the transmission of scientific knowledge in

the genre of scientific article. It is shown that the verbal component of bilinguals' academic communication is determined not only by nominative units of scientific style but also by intensive conscious use of expressive lexico-grammatical structures as auxiliary means of realizing speech

influence and facilitating the understanding of translated scientific knowledge in a foreign language. Such language techniques reflect specific features of bilinguals' speech in academic communication. When transmitting new knowledge, a bilingual translates academic identity as belonging to the international scientific community, while preserving cultural identity in speech. The results and conclusions of the study may be of interest to specialists in the field of academic discourse.

Keywords: academic communication, bilinguals, linguistic means, persuasion, identity.

Введение

Рассматривая академическую коммуникацию как тип институционального взаимодействия, в котором конструируется и транслируется новое научно-профессиональное знание в рамках глобального обмена, нами определяется значимость изучения вербальной составляющей общения билингвов, владеющих актуальными языками научного общения. В связи с чем «исследования различных аспектов двуязычия позволяют лучше понять языковую действительность и её экспликацию в лингвокультурах, что способствует усложнению языковых теорий как части филологического знания и расширяет спектр освоения естественного языка» [5, с. 1]. Однако изучение речевого общения билингвов остаётся непроработанной проблемой с точки зрения психолингвистики речевого воздействия в совместной речевой деятельности, что определяет актуальность настоящего исследования. Основопологающим и перспективным подходом к изучению академической коммуникации билингвов нами принимается психолингвистический подход [8]. В этом аспекте речевая деятельность билингва обосновывается деятельностным подходом [6] к научной интерпретации действительности на актуальном иностранном языке и регулируется академической идентичностью как осознанной принадлежностью к академическому сообществу, направленностью на достижение цели коммуникации и реализацию интенций. В центре изучения

вопросов речевого поведения оказывается языковая личность билингва, осознание которой «требуется выхода за рамки лингвистики, т.е. теории языка, теории межкультурной коммуникации и т. д. – в психологию личности, психологию общения» [3].

Среди принципиально важных аспектов научно-познавательной деятельности выступают мотивы и цели коммуникантов, конкретные условия общения, отнесённость стиля мышления [10] исследователя к той или иной национальной лингвокультуре, тип билингвизма. Актуализация вторичной языковой системы билингва [2] как мотивированного субъекта профессиональной академической коммуникации предполагает продуктивный координативный тип билингвизма, подразумевающий лингвистически грамотное построение речевого высказывания в соответствии с лексико-грамматическими нормами актуального языка, способность сформулировать сложные мысли, интерпретировать научное понятие. В этой связи становится принципиально важной мысль о том, что в совместной речевой деятельности «грамотность, семантическая адекватность построения сообщений», обеспечивает «схожесть, сочетание смыслов коммуникантов», формирует «собственный смысл предъявленного» и выступает «залогом результативной совместной деятельности» [7, с. 18].

Изучая речь билингвов, мы понимаем билингвизм как феномен, изучение которого предусматривает учёт множества варьирующихся факторов. Как нам видится, при интерпретации речевой деятельности билингва следует обращать внимание не только на лексико-грамматические нормы академического общения, но и на культурно-обусловленную специфику речи, а также на выбор вариативных единиц, интенсифицирующих дискурс, обладающих воздействующим потенциалом и применяемых билингвом для решения поставленной научной проблемы, что можно признать необходимым в коммуникации.

Методология

Академическая коммуникация и её результат имеют смысл, если создан текст, который может быть понят билингом «в диффузных условиях семиотического пространства профессиональной коммуникации» [4, с. 86]. Продуктом речевой деятельности билинга в работе определяется текст научной статьи на иностранном языке, выстраиваемый в соответствии с принципами научного общения: проблемностью, предметностью, основанностью на корпусе проведенных ранее исследований по выбранной теме [11]. Следует отметить, что для адекватного смыслового восприятия речи продуцент рассматривается как коллективный [9], транслирующий в рамках научной парадигмы позицию значительных сегментов научного сообщества. Реципиент, на которого направлена интерпретация научного знания, в связи со спецификой жанра научной статьи в исследовании не определён и может рассматриваться вариативно: как коллективный и индивидуальный, подготовленный и неподготовленный к восприятию неадаптированного научного текста, а также отнесённый к разным типам билингвизма.

Реализация цели продуцента при трансляции нового знания в жанре научной статьи связана с применением языковых приёмов, выбор которых не противоречит пониманию, а успешно организует коммуникацию и способствует доступности восприятия сложных научных концептов. С этой целью на основе приёмов доказательного аргументирования в тексте статьи предусматривается использование оценочной лексики, экспрессивных частеречных морфологических форм, синтаксических конструкций, анафоры, лексического повтора для раскрытия онтологического компонента эпистемической ситуации, конкретизации основных понятий с целью повышения понятности проблематики научного текста. В речевом поведении билингов обращает на себя внимание выбор приёма метафоризации. Обращение к метафорическим проекциям обладает целым рядом

преимуществ. В частности, позволяет «обработать и преобразовать огромные массивы знаний для последующего управления этими ресурсами в своей коммуникативной деятельности» [1, с. 74].

Цель исследования заключается в выявлении и описании единиц языка, направленных на доказательное аргументирование в речевом произведении билингов при трансляции научного знания, выявлении специфических языковых приёмов билингов с разным кодом родного языка. Результаты исследования обосновываются методами лингвистического описания для выделения конкретных языковых единиц и их описания с точки зрения структуры и функционирования, а также семантического анализа для объяснения значения единицы в рассматриваемом контексте.

Материалом исследования послужили академические тексты научных статей социально-гуманитарного профиля на английском языке, представленные в научных журналах, сборниках международных научных конференций в электронной библиотеке *elibrary.ru* и поисковой системе по научным публикациям «Академия Google». На данном этапе исследования изучен текстовый материал научных статей в объёме 140 страниц, изданных в период с 2021 по 2023 гг.

Результаты

Результаты исследования речевых произведений билингов позволили выявить и описать как номинативные языковые единицы, представляющие основные научные концепты социально-гуманитарной области знания согласно нормам академической коммуникации, так и экспрессивные лексико-грамматические средства, используемые билингвами для создания образной интерпретации смыслов научных понятий, позволяющие структурировать и направлять основную мысль продуцента. Речевую реализацию языковых единиц в академической коммуникации билингов в настоящем исследовании проиллюстрируем на примерах текстов:

- научной статьи русскоязычного билингва *Learner corpora: relevant information and an overview of the existing frameworks* [13], целью которой является освещение проблемы изучения учебных корпусов, существующих для разных языков, и сравнение существующих подходы к их аннотированию;
- научной статьи франкоязычного билингва *Noisy medieval data, from digitized manuscript to stylometric analysis: Evaluating Paul Meyer's hagiographic hypothesis* [12], в которой автор ставит цель обозначить проблему анализа средневековых текстов с помощью стилометрии, и предложить методику, сочетающую распознавание рукописного текста и стилометрический анализ для изучения авторства и группировки жизнеописаний святых в конкретной рукописи.

Далее статья русскоязычного билингва обозначается как Статья 1, а статья франкоязычного билингва – как Статья 2.

Анализ материалов показал, что при реализации приёмов доказательного аргументирования языковой потенциал билингвов представлен на лексическом, морфологическом и фразовом уровнях.

Приём номинации темы. В рамках приёма номинации темы русскоязычный билингв использует номинативные лексемы для обозначения основных подходов к составлению языковых корпусов (*non-native, language-related*); аббревиатур; синтаксических номинаций (*the contextualized usage of the word*).

*This corpus had a tremendous influence and launched the development of similar projects, namely, **the LOCNESS** (Louvain Corpus of Native English Essays), **LINDSEI** (Louvain International Database of Spoken English Interlanguage) **LOCNEC** (Louvain Corpus of Native English Conversation).*

В Статье 1 важность строгих критериев разработки корпусов подчёркивается выбором прагматических идиом и антитезы, усиливающих

доказательство релевантности объёма и качества языкового корпуса для лингвистических исследований.

The only thing that matters, in this case, is the quality of a corpus.

Moreover, if a corpus was collected according to perfect and strict design criteria, even a small corpus will be of great value.

Франкоязычный билингв для номинации темы использует терминологию (*early French saint's Lives collections, legendiers*); ключевые термины (*stylometric analysis, medieval texts, scribal variation, authorship signal, handwritten text recognition, hagiographic works, manuscript, Paul Meyer's hypothesis*), включая обозначение их релевантности, в данном случае выражаемое в форме отрицательной пропозиции (*there is no complete edition*) и идиомы (*a matter of debate*), показывающих значимость исследований в области распознавания средневековых манускриптов.

However, despite these academic positions, to our knowledge, there is no complete edition of hagiographic series, most probably because the identification of the series themselves is a matter of debate, except in the context of a full manuscript edition.

В Статье 1 актуальность темы для различных категорий специалистов, которым могут быть необходимы данные корпусной лингвистики (преподаватели, обучающиеся, лингвисты), подчёркивается отрицательной частицей и противительным союзом, пропозицией с указательным местоимением, модальным глаголом способности и смысловым глаголом.

The target audience of such corpora can be not only teachers or students, but also linguists who analyze second language acquisition through corpus data.

This can help to create specialized tutorials, develop methods <...>

В Статье 2 для акцента на значимость темы использованы наречия времени (*still, already*), экспрессивное существительное (*enigma*), глагол в прошедшем длительном времени (*were constituted*).

*The history of the **early French saint's Lives collections** in prose is **still an enigma. Indeed**, <...> **legendiers** (i.e., manuscript containing Saint's Lives collection) **were already constituted** and preliminary steps are missing.*

Приём постановки цели. В Статье 1 многоаспектность цели представлена рядом однородных сказуемых и дополнений.

*The purpose of the study is **to present** a review the learner corpora available for different languages, as well as **to compare** the approaches that exist for their annotation.*

*The paper considers the origins of learner corpus research, focuses on **the main the stages of a project, types of learner corpora** <...> **metatextual information** <...>.*

В Статье 2 цель эксплицитно представлена следующими языковыми единицами: прямая номинация цели (*the aim of our article is*), вводные слова (*first, as such, secondly, in order to do so, finally*), предлогом (*after*), глаголы в условном наклонении (*would like to discover*), в изъявительном наклонении в прошедшем времени (*performed, created*), в простом будущем времени (*will explain, will propose*), инфинитивная конструкция (*to perform this computational approach*) для представления онтологического, методологического и аксиологического компонентов эпистемической ситуации исследования.

***As such, the aim of our article is, first**, to determine if Paul Meyer's intuitions and hypotheses can be infirmed, nuanced, or completed. **Secondly, we would like to discover** if some other links between saint's lives can reveal series from single anonymous authors <...> **In order to do so, we performed** a stylometric analysis on a manuscript representative of the collection C. **To perform this computational approach**, <...>, **we created** a pipeline to acquire the text. **After** the presentation of the data acquisition pipeline, **we will explain** how we approach the inherent problems <...>. **Finally, we'll propose** an evaluation of the results <...>.*

Для указания на необходимость выполнения исследовательских задач русскоязычный билингв использует модальные глаголы облигаторности и перформативы в личной форме.

*Speaking about Russian learner corpora, we **should** name the Russian learner corpus of academic writing (RULEC) <...>*

*The question of whether it is possible to be sure that the error has been correctly detected and (if necessary) corrected **deserves** special attention.*

Для обозначения важности использования конкретных методов и материалов изучения манускриптов франкоязычный билингв применяет конструкцию с глаголом *requires* и модальный императив *must*.

*Moreover, there are no marks for hyphenation in the manuscript, **which requires us to detect and concatenate** some of the tokens passing from one line to another.*

*This serial composition of the Lives of Saints is a datum also noted by other specialists of Latin hagiography such as Perrot (1992) and Philippart (1977), who even points out that these hagiographic series **must be studied** in their entirety in the same way as a literary work.*

Приём выражения причинно-следственных связей. В тексте Статьи 1 мысль о необходимости аннотации ошибок на всех уровнях языка при описании текстов корпуса логично реализуется с помощью союзов, предлогов и наречий.

***Along with** lexical and grammatical features, error annotation is **also** available in the corpus. It includes spelling, morphological, syntactic, and lexical errors, **as well as** errors in constructions. Search results contain **not only** original versions **but also** the corrected ones.*

В Статье 2 причинно-следственные связи в тексте статьи обосновываются использованием лексем одного семантического поля (*a natural language, words and grammar*), синонимов (*document, dataset*),

абсолютная именительная причастная конструкция (*given the short length...*), лексический повтор и указательное местоимение (*Clement and Patrice – Patrice has been supposed, collection – this*) для когезии аргументов использования лемматизации и pos-тегирования, а также ориентации процедуры отбора на статистически достоверные признаки.

*An option is to treat the notion of space as a **natural language** processing task, where the image is not taken into account. Of course, the notion of **words and grammar** has evolved and what most of the other tools of the pipeline expect are words perceived as such by modern and contemporaneous medievalists.*

*The final result is a lemmatization and pos-tagging of each **document**. Error accumulation through successive postprocessing steps, and noise in the source HTR **dataset** leads to a dataset with varying quality, although some parts of the document, if not most, are treated with satisfying results.*

***Given** the short length of the texts and the sparsity caused by noise, we implement a procedure to select for analysis only those features that satisfy a criterion of statistical reliability.*

*Clement and **Patrice** are integrated in **collection C** (as opposed to Meyer's B) in almost all analyses. A precise interpretation of **this** remains to be found, but one can note that **Patrice** has been supposed by Paul Meyer as having been published first as part of a preexisting libelli <...>*

Приём иллюстрирования аргументов. В Статье 1 для иллюстрирования аргументов отмечается применение экземплификаторов в форме вводной конструкции, существительных, числительного (ссылок на другие источники), которое интерпретируется как акцент на отнесённость научного знания к коллективному реципиенту.

*The issue of corpus volume is **extremely important** (see, for example, the discussion about the dependency of collocations on corpus volume [12]) <...>*

*It contains **samples** of oral and written speech of **two groups** of Russian speakers: those who study Russian as a foreign language and heritage speakers <...> (**for example**, emigrants).*

В Статье 2 для представления фоновой информации используются номинация – имя собственное (*Paul Meyer*), глаголы-перформативы в прошедшем времени действительного залога (*led, identified, proposed*) и в страдательном залоге (*are composed by*) для представления результатов предыдущих исследований компиляций манускриптов. Экземплификаторы в данном случае принимают форму вводных конструкций (*as it can be seen, as an indication*), экспрессивной прагматической идиомы (*the prime examples, a quick look at... shows that*) для подтверждения промежуточных результатов исследования. Кроме того, мы отмечаем в речи франкоязычного билингва для убеждения конструкцию *had also the intuition*, в которой позиция наречия *also* определяется влиянием системы родного языка билингва (ср.: *avait aussi l'intuition*).

*Paul Meyer's work <...> **led** him to discover that <...> The first three collections named A, B, and C **are composed by** successive additions <...> Studying those compilations, Paul Meyer **had also the intuition that** <...> He **identified** a few series <...> and **proposed** the existence of primitive series <...>*

*As it can be seen in the resulting text <...> Old French manuscripts **are the prime examples of it.***

*Indeed, **a quick look at** one column from the f.10r in Fig. 5 **shows that** <...>.*

***As an indication**, the Kraken model trained with spaces <...>.*

Доказываемое утверждение в Статье 2 усиливается использованием текстовой номинации (*Eder (2017)*) для ссылки на позицию части академического сообщества в отношении надёжности критериев атрибуции средневековых текстов, а затем внесения своего элемента нового знания – утверждения трудно идентифицируемых текстов в любом корпусе

достаточного объёма – с помощью личного и безличного местоимений (*we, one*).

Eder (2017) showed that, whatever the variation of sample length, some texts were never correctly attributed (at least when a given feature set is used) and suggested to measure the diversity of attributions of individual texts—what we call volatility—to help identify these cases when the authors are not known. Following this, one could hypothesize that the presence of classification resistant (or volatile) texts is to be expected in a sufficiently large corpus.

Кроме того, в статье франкоязычного билингва доказательное аргументирование производится на основе объективного противопоставления аргументов с использованием лексем со значением отрицания (*isn't in contradiction*), вводного слова, безличной конструкции (*as such, it is possible that*) в речевом поведении продуцента для необходимости сравнения различных подходов к компиляции жизнеописания святых в средневековых манускриптах.

This addition isn't in contradiction with the tradition: collection G12 contains them sequentially in three of its four witnesses <...>.

As such, it is possible that their gathering confirms a predating series.

Приём повышения степени объяснительной силы высказывания. В статье русскоязычного билингва этот приём представлен выбором следующих языковых средств:

– метафоры актуализирует принципы, на которых основаны различные типы разметки данных:

Next, we will look at some of the principles that underlie various types of markup.

The origins of learner research projects can be traced back to the 1980s <...>

– лексический повтор: повторение фразового глагола позволяет акцентировать внимание реципиента на раскрываемых в статье типах корпусов и этапах их формирования:

*Foreign language acquisition (FLA) **deals with** studying languages in a context where it is not generally spoken. <...> The majority of them **deal with** English <...> Many written learner corpora **deal with** one genre <...>*

– лексической интенсификации: прилагательные и глаголы с выраженной оценочной коннотацией для усиления значимости проблемы составления языковых корпусов:

*An **excellent review** of the projects can be found on the website of CLARIN initiative <...>.*

*Learner language **abounds with errors** and hence differs from the standard language, so it is necessary to take into account these **discrepancies** <...>.*

*This corpus **had a tremendous influence** and **launched** the development of similar projects <...>.*

– синтаксическая интенсификация: значимость аннотирования ошибок в составлении корпусов подтверждается динамичным использованием в тексте рядов однородных сказуемых:

*The corpus data is error-annotated which makes it possible **to compute** frequencies of different types of errors, **to see** the contextualized usage of the word and possible mistakes, **to see** difficult cases, and **to compile** dictionary entries and other material for language learners.*

В статье франкоязычного билингва отметим следующий выбор языковых единиц, применяемых с целью повышения степени объяснительной силы высказывания: антитеза, подчёркнутая предлогом *unlike*, указывает на противопоставление высокого качества печатных книг в современных изданиях и низкого качества пергаментных книг; однородные дополнения указывают на трудности, сопряжённые с чтением пергаментных книг (*ink bleed-through, inconsistent background color*); инверсия (*such is the case*

for) усиливает обобщение сказанного; причастная конструкция (*stratified*) указывает на вариативность языковых единиц в текстах.

<...> **unlike** printed books from modern editions, parchments present various issues from **ink bleed-through** (the capacity of a verso writing or picture to be seen on a recto) to **inconsistent background color**.

Such is the case for substantive variants <...>

stratified, it can contain spellings and other linguistic features originating from the dialect and regional scripta <...>.

Прием иллокутивного смягчения. Для снижения категоричности высказывания в Статье 1 используются неопределённое местоимение, наречие со значением вероятности, антитеза для обозначения вариативности названий метахарактеристик авторов текстов, сравнительная форма прилагательного, эпистемологический глагол.

Something may be different or may be implemented in a **slightly different** way <...>

Some metafeatures are obvious and easy to collect (such as gender or age that can be given in the questionnaire), **while others** are not as clear.

This is **not as straightforward** issue as it may seem <...>

When searching, **one can specify** a subcorpus taking into account the required characteristics <...>

В Статье 2 напряжение в речи билингва снижают вводные слова (*of course, however, moreover, nonetheless*), за которыми следуют отрицание прилагательного с качеством абсолютности (*is not expected to be perfect*), эмфатическое *do* (*did keep*), эвиденциальный маркер (*seem to*), а также сочетание модального глагола возможности и смыслового глагола в форме страдательного залога (*can be nuanced*).

Of course, the resulting output **is not expected to be perfect** (Table 2), and in fact, each step we pursue **might** introduce new errors as they were not manually

*transcribed or corrected (Tables 3-5). However, we **did keep** the output of each step for later stylometric analyses.*

*Moreover, in their globality, the results **seem to agree with** Meyer's hypothesis, with CP from 0.83 to 0.9 for the reference analysis (0.71-0.85 for the others, Table 7) <...> For this reason, Paul Meyer's hypothesis **seems to be confirmed** by our results. **Nonetheless, they can be nuanced** or made more accurate in a few cases, as we will see.*

Прием обобщения. Для привлечения внимания реципиента к результатам исследования русскоязычный билингв осуществляет приём обобщения с использованием, например, наречия, нефразового и фразового глаголов в простом прошедшем времени.

*We **also sketched** the pipeline that can be used for building a learner corpus and **focused on** issues related to its annotation.*

Перспектива исследования в Статье 1 обозначена применением метафоры и наречия в сравнительной степени для указания на необходимость продолжения исследования и дальнейшего изучения существующих корпусов текстов, созданных продуцентами – не носителями языка.

*As one can see, these resources are diverse and **the language** of non-native speakers **deserves** to be studied more profoundly.*

В Статье 2 для убеждения реципиента в значимости результатов исследования используются вводные конструкции (*finally, following our preceding analysis*), анафора (*from a methodological and stylometric perspective...; from a thematic perspective*). Перспективу дальнейших исследований обозначают прилагательное *further*, существительное *perspectives*, сочетания модальных глаголов и глаголов в страдательном залоге *should be done, could be extended*.

Finally, this study has revealed an astonishing rapprochement between Li saint Confessor and the Life of saint Lambert. Normally, Saint Lambert's Life is part of

collection B, but **following our preceding analysis**, Saint Lambert's does not fit in any group of the collection.

Consequently, without any easy proof of classification, **further study** of Saint Lambert Life's relationship with Wauchier's work **should be done**.

Using machine learning, we are able to acquire and process textual data <...> The application of this procedure offers **perspectives** for ancient or medieval Cultural heritage data, and **could be extended** to other material.

From a methodological and stylometric perspective, the challenge was, in a context where supervised analysis was not an option, to deal with short texts <...> **From a thematic perspective**, on the whole, **our results confirm (or fail to disprove)** Meyer's hypothesis regarding the constitution of Old French legendiers.

Приём оценочных суждений. Оценочное суждение позволяет автору Статьи 1 подчеркнуть своё мнение о ценности эмпирических корпусных данных, извлечённых из речи изучающих иностранный язык, для понимания процессов освоения языка, с помощью глагола в настоящем совершенном времени, наречия, прилагательного в превосходной степени.

*The number of non-native speakers living in various countries **has increased significantly** over the past few years <...>*

*Empirical linguistic evidence from learner corpora is hence **the most valuable source of examples** and can contribute to the understanding of the processes emerging during foreign or second language acquisition.*

В Статье 2 франкоязычный билингв представляет несколько типов оценочных суждений.

– Эпистемическое суждение: оценочные наречия *very poorly*; оценочные существительные *downside, nonspecialists*; отрицательная пропозиция *cannot be trained*; антитеза *despite several attempts... still presents differences* используется билингвом для оценки методологии исследования.

Line detection was found to perform very poorly in Kraken compared with Transkribus, two well-known and performant HTR and Handwritten Text Recognition (OCR) engines.

*Kraken in its 2.0.5 release contains a traditional line segmenter based on contrast which **cannot be trained** on a specific layout <...>*

*The **downside** of this dataset is that it was mostly transcribed by **nonspecialists** and **despite** several attempts to unify it still **presents differences** in how the text was transcribed.*

– Аксиологическое суждение: модальная конструкция *it should be stressed that*, наречия *definitely, enough* позволяет продуценту оценить эффективность программных инструментов, используемых для обработки манускриптов.

*While **it should be stressed that** we cannot offer a methodical, re-applicable evaluation for this performance, we can **definitely** say that Kraken would often miss lines, create a lot of false positives in ornamentation, and—not often but **enough** to be seen—incorrectly sort the lines.*

– Эмоциональное суждение: наречие *unfortunately*, прилагательное *extreme*, отрицание *do not* транслируют отношение продуцента к подходу, признаваемому неэффективным.

***Unfortunately**, due to the **extreme** variation in spelling of Old French, dictionary approaches **do not** perform well. In a previous study (Clerice, 2019), we have shown that they **do not** extend to new unknown domains as much as deep learning models.*

В итоге отметим, что в речи русскоязычного и франкоязычного билингвов реализуются речевые приёмы доказательного аргументирования с разной степенью интенсивности использования типовых средств языка и специфических языковых единиц, отражающих культурную идентичность билингва при трансляции научного знания. Так в тексте русскоязычного билингва на первый план выходит речевой приём оценки (понятия

«значимо/незначимо»), отмечена более высокая степень категоричности высказываний с частотным использованием прилагательного *important*. В тексте научной статьи франкоязычного билингва достаточно часто используются приёмы иллокутивного смягчения и снижения категоричности высказывания, применяя наречия *probably, partially*, местоимение *one (can hypothesize)*, эпистемологический глагол (*as it can be*) *seen*, которые отражают смысл понятий «правдоподобно/неправдоподобно».

В контексте доказательного аргументирования характерно использование франкоязычным билингвом существительного *rapprochement*: в английском языке эта лексема означает сближение в политических отношениях, но в данном употреблении билингвом эта лексема применяется в более общем, характерном для французского языка значении сближения: *The rapprochement seems logical from the point of view of literary construction because it builds a collection <...>*.

Также обратим также внимание на выбор существительного *regroupment*: в контексте классификации коллекций манускриптов билингв вместо нормативной лексемы *regrouping* использует французское слово *regroupment*, предположительно, как маркер культурной идентичности.

From our results, it [collection A] can be refined in two subseries A1 and A2 (Table 10). Thematically, this regroupment makes sense.

Культурный код франкоязычного билингва также проявляется в использовании наречия *finally*, которое имеет общее происхождение с французским *finalement*; русскоязычный билингв транслирует свой языковой идиом регулярным использованием фразового глагола *deal with*, который является показателем калькирующего переноса элемента первичной языковой системы билингва на актуальный иностранный язык (*касается, рассматривает*).

Выводы

Таким образом, выявленные языковые приёмы, которые билингвы осознанно выбирают для доказательного аргументирования, на наш взгляд, в полной мере реализуют «убеждение», отражая академическую идентичность коммуникантов в познавательной деятельности. Зафиксировано, что билингвы проявляют сходные тенденции в интерпретации научного знания на иностранном языке, выбирая для логико-смыслового изложения научного исследования языковые единицы, определяющие нормативность оформления академического текста и сохраняющие нейтральность и объективность научного знания.

Доказано, что билингвы для доказательного аргументирования в тексте научной статьи делают выбор языковых единиц речевого воздействия, которые являются вспомогательными при трансляции научного знания, с разной степенью интенсивности. Предполагается, что экспрессивные языковые единицы в академической речи билингва способствуют доступности восприятия и успешности развития нового знания международным научным сообществом, что требует языкового разнообразия речевых приёмов при интерпретации смыслов значимых научных концептов.

Установлено, что билингв, придерживаясь прескриптивного подхода в академическом общении, выбирает лексемы актуального языка в значении, близком к реалиям собственной лингвокультуры, подчёркивая свою идентичность. Можно прогнозировать необходимость моделирования речевого поведения билингвов в академической коммуникации с целью плодотворного развития научного знания.

Литература

1. *Белютин Р.В.* О спорт! Ты – метафора! К вопросу о спортизации языков и культур // Известия Смоленского государственного университета. – 2022. – № 2(58). – С. 73-82.

2. *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (Билингвизма). / Е.М. Верещагин. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 162 с.
3. *Залевская А.А.* Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Текст доклада на XVI Международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации «Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы» (Москва, 15–17 июня 2009 г.). – С. 10-17.
4. *Зубкова О.С.* Лингвосемиотические характеристики дискурсоразвертывания в профессиональной коммуникации // Термины в коммуникативном пространстве, материалы научно-практической конференции с международным участием «Дискурсология, терминология, экология языка в современной лингвистике». Ответственный редактор С.И. Маджаев. – 2018. – С. 78-87.
5. *Зубкова О.С.* Реализация фактора прагматической мотивации в условиях учебного билингвизма / О.С. Зубкова, А.В. Фахрутдинова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 3(42). – С. 60-67.
6. *Леонтьев Д.А.* Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2016. – №. 2. – С. 3-18.
7. *Мыскин С.В.* К постановке проблемы «патологии языковой личности» / С. В. Мыскин // Организационная психолингвистика. – 2023. – № 3(23). – С. 10-24.
8. Основы теории речевой деятельности [Текст] / Отв. ред. д-р филол. наук А.А. Леонтьев ; АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1974. – 367 с.
9. *Тарасов Е.Ф.* Деятельностный и коммуникативный подход к анализу речевых действий. В сборнике Российская психолингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. – М.: Изво РУДН, 2022. – 198 с. – С. 15-16.
10. *Чернявская В.Е.* Может ли ученый мыслить национально специфично? Когнитивный стиль как монокультурный феномен // Университетский научный журнал. – 2012. – №. 3. – С. 156-163.
11. *Чернявская В.Е.* Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 144 с.
12. *Camps J.B., Clérice T., Pinche A.* Noisy medieval data, from digitized manuscript to stylometric analysis: Evaluating Paul Meyer's hagiographic hypothesis // Digital Scholarship in the Humanities. – 2021. – Vol. 36, №. 2. – P. 49-71.
13. *Khokhlova M.* Learner corpora: relevant information and an overview of the existing frameworks / M. V. Khokhlova // Terra Linguistica. – 2023. – Vol. 14, №. 1. – P. 57-69.

References

1. *Beljutin R.V.* O sport! Ty – metafora! K voprosu o sportizacii jazykov i kul'tur // *Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2022. – № 2(58). – S. 73-82.
2. *Vereshhagin E.M.* Psihologicheskaja i metodicheskaja harakteristika dvujazychija (Bilingvizma). / E.M. Vereshhagin. – M.-Berlin: Direkt-Media, 2014. – 162 s.
3. *Zalevskaja A.A.* Voprosy psiholingvisticheskoj teorii dvujazychija // *Tekst doklada na XVI Mezhdunarodnom simpoziume po psiholingvistike i teorii kommunikacii «Psiholingvistika v XXI veke: rezul'taty, problemy, perspektivy» (Moskva, 15–17 ijunja 2009 g.)*. – S. 10-17.
4. *Zubkova O.S.* Lingvosemioticheskie harakteristiki diskursorazvertyvanija v professional'noj kommunikacii // *Terminy v kommunikativnom prostranstve, materialy nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Diskursologija, terminologija, jekologija jazyka v sovremennoj lingvistike»*. Otvetstvennyj redaktor S.I. Madzhaev. – 2018. – S. 78-87.
5. *Zubkova O.S.* Realizacija faktora pragmaticheskoj motivacii v uslovijah uchebnogo bilingvizma / O.S. Zubkova, A.V. Fahrutdinova // *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikacija*. – 2021. – № 3(42). – S. 60-67.
6. *Leontyev D.A.* Ponyatie motiva u A.N. Leont'eva i problema kachestva motivacii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*. – 2016. – №. 2. – S. 3-18.
7. *Myskin S.V.* K postanovke problemy «patologii jazykovoj lichnosti» / S. V. Myskin // *Organizacionnaja psiholingvistika*. – 2023. – № 3(23). – S. 10-24.
8. *Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti [Tekst] / Otv. red. d-r filol. nauk A.A. Leont'ev ; AN SSSR. In-t jazykoznanija*. – Moskva : Nauka, 1974. – 367 s.
9. *Tarasov E.F.* Dejatel'nostnyj i kommunikativnyj podhod k analizu rechevyh dejstvij. V sbornike Rossijskaja psiholingvistika: itogi i perspektivy. *Materialy XX Mezhdunarodnogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii, Moskva, 27–28 maja 2022 g.* – M.: Iz-vo RUDN, 2022. – 198 s. – S. 15-16.
10. *Chernjavskaja V.E.* Mozhet li uchenyj myslit' nacional'no specifichno? Kognitivnyj stil' kak monokul'turnyj fenomen // *Universitetskij nauchnyj zhurnal*. – 2012. – №. 3. – S. 156-163.
11. *Chernjavskaja V.E.* Nauchnyj diskurs: Vydvizhenie rezul'tata kak kommunikativnaja i jazykovaja problema. – M.: LENAND, 2017. – 144 s.
12. *Camps J.B., Clérice T., Pinche A.* Noisy medieval data, from digitized manuscript to stylometric analysis: Evaluating Paul Meyer's hagiographic hypothesis // *Digital Scholarship in the Humanities*. – 2021. – Vol. 36, №. 2. – P. 49-71.

Khokhlova M. Learner corpora: relevant information and an overview of the existing frameworks / M. V. Khokhlova // Terra Linguistica. – 2023. – Vol. 14, No. 1. – P. 57-69.

ТРУДЫ НАЧИНАЮЩИХ УЧЕНЫХ / THE WORKS OF YOUNGS RESEARCHERS

5.9.8.

Серов В.А.

Московский государственный лингвистический университет

119034, Остоженка, 38 стр.1

Москва, Россия

vladserov1805@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРЕЙМОВ НОМИНАЦИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: рассмотрены субконцепты фреймов лексических единиц в русской, английской и французской лингвокультурах, связанных с номинацией предприятий общественного питания. Выявлены изоморфные и алломорфные черты субконцептов, обусловленные различными лингвокультурными факторами, в большей степени отличающимся культурным фоном.

Ключевые слова: номинация; фрейм; фреймовая семантика; лингвокультура.

V. Serov

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF FRAMES OF NOMINATIONS OF CATERING ENTERPRISES IN RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH

Abstract: the article focuses on the subconcepts of lexical units' frames in Russian, English and French linguocultures related to the nomination of catering establishments. The article reveals isomorphic and allomorphic features of subconcepts, determined by different linguacultural factors, mostly differing cultural background.

Keywords: nomination; frame; frame semantics; linguistic culture.

Предприятия общественного питания являются важной частью жизни современного человека. Они не только удовлетворяют его потребности в питании, но и предоставляют возможность для общения, отдыха, развлечения и т.д. Предприятия общественного питания отражают особенности культуры народов. Каждая лингвокультура имеет свои специфические семантические и этимологические особенности номинации разных типов предприятий

общественного питания. Эти особенности отражают информацию об уровне обслуживания, кухне, ценовом диапазоне и прочих чертах предприятий общественного питания.

Форматы знания в когнитивном ракурсе – это способы представления информации в памяти и мышлении человека. Они отражают различные аспекты знания, такие как факты, правила, события, образы, метафоры и т.д. Это означает, что человек может представлять информацию в разных формах, в зависимости от того, какой аспект знания он хочет выразить или использовать. Например, для выражения объективной и проверяемой информации о реальности подходит формат фактов, например, «Вода состоит из водорода и кислорода». Для выражения условий и последствий для определенных ситуаций подходит формат правил, например, «Если температура воды достигает 100 градусов Цельсия, то она закипает». Для выражения динамических процессов или изменения в реальности подходит формат событий, например, «Вчера я пошел в кино с друзьями». Для выражения визуальной или зрительной информации подходит формат образов, например, «Я вижу красивый закат на горизонте». Для выражения абстрактной или сложной информации с помощью сравнения с более знакомыми понятиями подходит формат метафор, например, «Жизнь - это коробка шоколадных конфет, никогда не знаешь, что тебе попадет». Форматы знания помогают организовать, обрабатывать и использовать информацию в разных ситуациях и задачах. Форматы знания также зависят от лингвокультурного контекста, в котором они формируются и используются [5, с. 135]. Одним из наиболее известных и распространенных форматов знания в когнитивном подходе является теория фреймов. Теория фреймов была предложена Марвином Мински в работе «Фреймы для представления знаний» (1979).

Теория фреймов трактуется как когнитивно-лингвистическая теория, описывающая то, как люди транслируют знания в рамках понятийных

структур, называемых фреймами. Фреймы – это ментальные структуры, которые содержат знания о том, как живет мир и как нам с ним взаимодействовать. Они позволяют нам организовывать опыт, запоминать информацию и принимать решения в соответствии с ожиданиями [9].

Пример определения такого фрейма можно привести на основе лексемы "ресторан". Данный фрейм содержит знания о том, как выглядит типичный ресторан, какие блюда там подаются, как обслуживают клиентов, и т.д. Слово "ресторан" активирует этот фрейм и раскрывает его значение на основе всех знаний об этом предприятии общественного питания.

Теория фреймов также объясняет, как формируются стереотипы и как они влияют на наше поведение. Если в сознании есть стереотип о конкретном виде ресторана или кафе, мы реагируем соответственно.

Например, если бытует стереотип о том, что французские рестораны характеризуются изысканным меню и высокими ценами, то будем учитывать эти знания в их выборе, даже если мы не имели прямого опыта, подтверждающего такой стереотип. Это может привести к невозможности попробовать великолепные кулинарные блюда из-за негативных стереотипов и связанных с ними предрассудками. Таким образом, стереотипы, формируемые на основе фреймов, могут оказывать значительное влияние на наше поведение и выбор.

С другой стороны, знания о фреймах могут быть использованы для позитивных целей в различных областях, таких как маркетинг, политика, образование и т.д. Примером использования знаний в маркетинге может быть эффект фрейминга. Его суть в разнице между поведением потребителей в зависимости от того, как представлена информация о продукте или услуге: положительный исход предполагает, что вы можете что-то получить, а отрицательный предполагает потерю. Потребители склонны выбирать опции, которые представлены как положительные, и избегать опций,

которые представлены как отрицательные. Например, при покупке закуски онлайн можно столкнуться с двумя предложениями:

- Вариант А стоит полную розничную цену 100 рублей;
- Вариант Б продается со скидкой 50% от полной розничной цены 200 рублей.

Хотя оба предложения стоят одинаково, вариант Б, скорее всего, будет выбран большим количеством покупателей. Первое предложение интерпретирует покупку как потерю 100 рублей, а второе предложение создает иллюзию, что покупатель, выбирая вариант Б, экономит 100 рублей, поскольку приобретение представляется как выгода [15].

Одним из основных аспектов теории фреймов является метафорическое мышление, которое описывает использование метафор для выражения мыслей и идей. Джордж Лакофф и Марк Джонсон утверждают, что метафорическое мышление основано на фреймах, и что метафоры отражают ментальные структуры и представления о мире [7, с. 157].

Пример метафоры, основанной на фрейме, можно привести на основе метафоры «ресторан – театр». Фрейм «театр» содержит знания о том, как устроены театральные представления и какое поведение ожидается от нас, будучи зрителями. Когда мы используем метафору «ресторан – театр», мы связываем наш опыт посещения ресторана с фреймом театра и представляем ресторан как сцену, где есть актеры (персонал), сценарий (меню), декорации (интерьер) и аудитория (посетители). Эта метафора отражает представление о ресторане как о месте, где происходит не просто подача еды, но целое представление, включающее в себя атмосферу, обслуживание и кулинарное искусство. Например: *«Ресторан – это как театр. Наша задача – ослепить, поразить, развлечь вас... ничем не выдав, какая за кулисами творится Хиросима»* (цитата из сериала «Секреты на кухне»). Подобие между Хиросимой и тем, что происходит за кулисами ресторана, основано на контрасте между внешним видом и внутренней реальностью. С одной

стороны, ресторан то место, где создаётся иллюзия театрального представления, где всё идеально и гармонично. С другой стороны, за кулисами ресторана царит хаос, напряжение, конфликты и стресс. Это место, где работают люди, которые должны справляться с огромным давлением, высокими требованиями и неожиданными ситуациями. Таким образом, схожесть между Хиросимой и тем, что происходит за кулисами ресторана, заключается в том, что оба этих места связаны с хаосом, беспорядком и борьбой за выживание.

Кроме того, теория фреймов описывает, как мы опознаем новую информацию и как мы запоминаем ее. Если новая информация вписывается в существующий фрейм, то ее легко усваивать и запоминать. Если же информация выходит за границу знаний существующего фрейма, то ее труднее декодировать и освоить. Теория фреймов помогает понять, как разные группы людей видят одну и ту же ситуацию, какие факторы влияют на выбор фрейма.

Семантика фреймов, как ее описал Чарльз Дж. Филлмор, представляет собой исследовательскую программу в области эмпирической семантики, которая анализирует значения слов, подчеркивая преемственность, а не разрывы между языком и опытом [12; 13; 14, с. 111]. Фреймовая семантика используется в грамматическом описании, в искусственном интеллекте [3, с. 38] и в компьютерной лексикографии (Framenet). Эта теория объясняет отношение между словами, которые нельзя приписать структурным семантическим отношениям, таким как гипонимия, синонимия или антонимия. Вместо этого она описывает зависимость между словами, основанную на фоновых знаниях, которые люди приобретают через опыт и хранят в долговременной памяти.

Фреймовую семантику можно рассматривать как стремление определить, по какой причине речевое сообщество создает категорию, представленную словом, и объяснить значение слова, прояснив эту причину"

[14]. Таким образом, знание основывается на взаимодействии человека с другими людьми и миром.

Фреймовые концепции позволяют моделировать понимание [11, с.437]. В такой схеме многие слоты могут быть еще не занятыми и заполняться по мере ознакомления с ситуацией или контекстом. Нейтрализуются пробелы, активируются исторические, причинно-следственные и логические связи [12, с. 125]. Начиная интерпретировать текст, мы активизируем определенную контурную схему, в которой многие позиции ("слоты") еще не заняты. Более поздние эпизоды текста заполняют эти пробелы, вводят новые сцены, комбинируемые в различные связи – исторические, причинно-следственные, логические и т.п.

Фреймы не следует путать с другой когнитивной единицей — концептом. Концепт есть единица мышления, которая отражает сущность предмета или явления в его общих и специфических признаках и зависит от культурного и исторического контекста, в котором он формируется. Иными словами, концепт является частью картины мира, отраженной в человеческой психике. [4, с. 34–47; 8, с. 23].

Анализируя фреймовую семантику номинаций пунктов общественного питания, важно упомянуть, что фрейм состоит из слотов и их заполнителей. Слоты — это переменные признаки объекта или ситуации, которые могут быть заполнены разными значениями в зависимости от контекста. Заполнители слотов выступают как конкретные значения номинативных единиц. Например, фрейм покупки может иметь такие слоты: покупатель, продавец, товар, цена, оплата. Заполнители этих слотов могут быть разными: покупатель — Иван, продавец — Мария, товар — хлеб, цена — 50 рублей.

В случае пунктов общественного питания стоит выделить следующие слоты: название (номинация), тип предприятия, ассортимент еды и напитков, уровень обслуживания, цена и локация. Заполнители этих слотов будут зависеть от конкретного вида пункта общественного питания. Они также

могут отличаться в разных лингвокультурах в силу разного культурного фона. Поэтому, для сопоставительного анализа фреймов в разных языках необходимо учитывать все эти факторы.

Например, рассмотрим фрейм «киоск» в русском, английском и французском языках.

Согласно Малому Академическому Словарю, это «небольшая постройка для мелкой торговли». Приводится также пример предложения с данной лексемой: «это был обычный городской парк, с летним кинотеатром, с киосками для продажи воды и мороженого» [1; 7].

В толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова в дефиниции лексемы также упоминается, что это легкая постройка на улицах и вокзалах [10].

В то же время, в британском английском данная языковая единица профилирует не только размеры предприятия, но и ассортимент товаров, не выдвигая локацию на передний план в аспекте её семантики. Так, Cambridge и Collins English Dictionary определяют "kiosk" как небольшое здание, где можно купить шоколад, сэндвичи, напитки и газеты через небольшое окно [16; 17]. В словаре американского английского Merriam-Webster лексема определяется как небольшое строение с одной или несколькими открытыми сторонами, используемое для продажи товаров (например, газет) или оказания услуг (например, проявки пленки) [18]. В дефиниции Oxford Learner's Dictionary американского английского упоминается, что помимо газет могут продаваться и напитки [22].

Во французском же языке, согласно словарю LAROUSSE, "le kiosque" имеет схожее с английским вариантом определение: "Petite boutique sur la voie publique, édicule pour la vente de journaux, de fleurs, etc", то есть небольшой бутик на улице, киоск по продаже газет, цветов и т.д. [19]. Онлайн словари Usito и leRobert придерживаются схожей дефиниции [20 ; 21].

В соответствии с вышеуказанными определениями можно выделить следующие особенности фрейма «киоск» (таблица 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ фрейма «киоск»

Субконцепт	Русский	Английский (британский // американский)	Французский
Название	Киоск	Kiosk	Le kiosque
Тип предприятия	Небольшая постройка	A small building or structure	Petite boutique / édicule
Ассортимент еды и напитков / товаров	Не профилируется	Chocolate, sandwiches, drinks, or newspapers // drinks, merchandise, such as newspapers or services, such as film developing (амер.)	Vente de journaux, de fleurs
Уровень обслуживания	Мелкая торговля	Не профилируется, но упоминается, что товары передаются через небольшое окно	Не указано
Цена	Не профилируется	Не указано	Не указано
Локация	Улицы/вокзалы	Не профилируется	Sur la voie publique

Как видно из таблицы, в каждой лингвокультуре профилируются различные аспекты семантики лексемы «киоск / kiosk / le kiosque». В русском языке делается акцент на размерах предприятия и уровне обслуживания, а также на локации, но не профилируется цена и ассортимент товаров. В британском английском языке данная языковая единица не содержит профилирования локации и цены, вместо этого выдвигая ассортимент товаров и тип предприятия на передний план в аспекте ее семантики. В американском английском, в отличие от британского варианта, упоминается лишь возможность купить напитки. Определение лексемы «le kiosque»

профилирует классификацию заведения, его небольшой ассортимент и локацию, не акцентируя внимания на уровне обслуживания и цене.

Рассмотрим фрейм «кафетерий» в русском, английском и французском языках.

Лексическая единица «кафетерий», согласно Малому Академическому Словарю, имеет значение «Род кафе, обычно с самообслуживанием» [1]. Согласно Большому толковому словарю С.А. Кузнецова, это небольшая закусочная, где подают кофе, легкие закуски [6].

В словаре американского английского Merriam-Webster дается следующее определение языковой единице «cafeteria» как «a restaurant in which the customers serve themselves or are served at a counter and take the food to tables to eat» [18]. В Cambridge English Dictionary дается следующее определение: «a restaurant (often in a factory, a college, or an office building) where people collect food and drink from a serving area and take it to a table themselves after paying for it» [16].

Французские словари определяют лексему «cafétéria» как заведение общественного питания, как правило, расположенное в оживленном месте (торговый центр, офисный комплекс, университет и т. д.), где можно купить напитки и еду (кофе, безалкогольные напитки, очень простые блюда), даже в режиме самообслуживания [19; 20 ; 21].

В соответствии с вышеуказанными определениями можно выделить следующие особенности фрейма «кафетерий» (таблица 2):

Таблица 2

Сравнительный анализ фрейма «кафетерий»

Субконцепт	Русский	Английский (британский // американский)	Французский
Название	Кафетерий	Cafeteria	La caf��t��ria
Тип предприятия	Род кафе/небольшая закусочная	A restaurant // A restaurant	Lieu public / ��tablissement
Ассортимент еды и напитков	Кофе, легкие закуски	People can eat food and drink // food and drinks	On sert du caf��, des boissons non alcoolis��es, des plats tr��s simples
Уровень обслуживания	Обычно с самообслуживанием	People collect food and drink from a serving area and take it to a table themselves // The customers serve themselves or are served at a counter and take the food to tables to eat	Souvent en libre-service
Цена	Не профилируется	Не профилируется	Не профилируется
Локация	Не профилируется	Often in a factory, a college, or an office building // same for American english	G��n��ralement implant�� dans un lieu de passage (centre commercial ou administratif, ensemble de bureaux, universit��, etc.)

Итак, в русском языке единица номинация «кафетерий» обладает семантикой, отличной от его соответствий в английском и французском языках. Так, в английском языке хоть и указывается ассортимент в виде еды и напитков, но, в отличие от русского и французского, не приводится их конкретных примеров, а также отличается базовая принадлежность предприятия. Во французском языке также отличается классификационная составляющая и, как и в русском языке, уточняется тип напитков и отмечается легкость приготовления блюд. В русском языке отличается базовая принадлежность предприятия, не профилируется локация в аспекте

семантики лексемы, но сходится несколько параметров в виде отсутствия профилирования на цене продуктов и уровне обслуживания.

Рассмотрим фрейм «бар» в русском, английском и французском языках.

Согласно словарю иностранных слов современного русского языка Т.В. Егоровой, «бар - небольшой ресторан, где имеется стойка, у которой можно пить и есть» [2]. Малый академический словарь Евгеньевой дает следующее определение данной лексической единице: «Небольшой ресторан или часть ресторана, закусочная, где обычно пьют и едят у стойки» [1; 6].

В британском варианте английского языка, согласно словарю Collins, "bar" — это комната в пабе или отеле, где подают алкогольные напитки, в то время как в США это место, где можно купить и выпить алкогольные напитки [17]. В американском английском эта лексема "bar" обозначает помещение или заведение, где подают алкогольные напитки, а иногда и еду [18].

В словаре французского языка LAROUSSE указано, что "le bar" это питейное заведение, где потребители стоят или сидят на высоких табуретках перед стойкой, а также место, где употребляют напитки, например: в театре, в гостинице и так далее [19]. Словарь Usito дает схожее определение [20].

В соответствии с вышеуказанными определениями можно выделить следующие особенности фрейма «бар» (таблица 3):

Таблица 3

Сравнительный анализ фрейма «бар»

Субконцепт	Русский	Английский (британский // американский)	Французский
Название	Бар	Bar	Le bar
Тип предприятия	Небольшой ресторан	A place // room, establishment, place	Débit de boissons / Lieu
Ассортимент еды и напитков	Можно пить спиртные напитки и есть холодные закуски	Alcoholic drinks // Alcoholic drinks, sometimes food	Boissons
Уровень обслуживания	Имеется барная стойка	Не профилируется	Les consommateurs se tiennent debout ou assis sur de hauts tabourets devant un comptoir
Цена	Не профилируется	Не профилируется	Не профилируется
Локация	Не профилируется	In a pub or hotel // Не профилируется	Dans un théâtre, un hôtel, etc...

Как видно из таблицы, разные языковые системы профилируют разные признаки бара в своих определениях. Русская лингвокультура подчеркивает уровень обслуживания и ассортимент еды и напитков. Британский вариант английского выделяет тип предприятия, локацию и ассортимент напитков, не акцентируя внимания на еде, в отличие от американского варианта английского языка, а последний, в свою очередь, не акцентирует внимания на локации, но расширяет заполнитель слота «тип предприятия». Во французской языковой картине мира выделяется уровень обслуживания, локация, ассортимент напитков и тип предприятия.

Нельзя отрицать, что социальное окружение, культурный фон, географическое положение оказывают влияние на формирование знаний. Следовательно, различия между типами знаний обусловлены, прежде всего, их источниками, что находит отражение в разнообразии когнем. Это и подтверждается проведенным исследованием, исходя из которого можно

сделать вывод, что номинации предприятий общественного питания в разных лингвокультурах обладают изоморфными и алломорфными чертами в структуре фреймов. Субконцепты фреймов могут совпадать, а могут отличаться в силу различных лингвокультурных факторов. Изоморфные и алломорфные черты субконцептов свидетельствуют о наличии общих и специфических для каждой лингвокультуры аспектов знания о предприятиях общественного питания, таких как их тип, ассортимент еды и напитков, уровень обслуживания, цена и локация. Таким образом, номинации предприятий общественного питания являются не только средствами обозначения, но и средствами понимания и интерпретации лингвокультурной реальности.

Литература

1. *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
2. *Егорова Т.В.* Словарь иностранных слов современного русского языка. — М.: «Аделант», 2014.—800с.
3. *Иванов А.В.* Современная германистика и западноевропейская литература. - Том. Выпуск 2 изд. - Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2020. - 428 с.
4. *Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. 1994. – № 4 – С. 34-47.
5. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. — М.: Знак, 2012. — 208 с.
6. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998.
7. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: УРСС, 2004. — 256 с.
8. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. - 176с.
9. *Суханосова С.В.* Теория фреймов: возможности исследования повседневности // Человек в мире культуры. - 2012. - №2 - С. 29-34.
10. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. - М.: Государственный институт, 1935. - 828 с.

11. *Charniak E.* 1982 – Context recognition in language comprehension // Strategies for natural language processing. – Hillsdale (N.J.); L.: Erlbaum, 1982. – P. 435-454.
12. *Fillmore Ch.J.* 1975 – An alternative to checklist theories of meaning // BLS, 1975, v.1, 123-131.
13. *Fillmore Ch.J.* 1977 – The case for case reopened // Grammatical relations. – N.Y. etc.: Acad. Press, 1977. P.59-81.
14. *Fillmore Ch.J.* 1982c – Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981. – Seoul: Hanship, 1982. – P. 111- 137.
15. Proven Context [Электронный ресурс]. URL: <https://www.provencontext.nl/blog/framing/> (Дата обращения 20.11.2023)
16. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (Дата обращения 20.11.2023)
17. Collins [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (Дата обращения 20.11.2023)
18. Merriam-Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (Дата обращения 20.11.2023)
19. Larousse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/> (Дата обращения 20.11.2023)
20. Usito [Электронный ресурс]. URL: <https://usito.usherbrooke.ca/> (Дата обращения 20.11.2023)
21. leRobert [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition> (Дата обращения 20.11.2023)
22. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Дата обращения 20.11.2023)

References

1. *Evgen'eva A.P.* (1999) Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes] / RAN, In-t lingvistich. Issledovaniy; [Institute of Linguistic Research] — 4-e izd., ster. — M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy.
2. *Egorova T.V.* (2014) Slovar' inostrannyh slov sovremennogo russkogo yazyka [Dictionary of Foreign Words of Modern Russian]. — M.:«Adelant»,— pp. 800.
3. *Ivanov A.V.* (2020) Sovremennaya germanistika i zapadnoevropejskaya literatura [Modern Germanistics and Western European Literature]. - Том. Vypusk 2 izd. - Moskva: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "FLINTA", - pp. 428.
4. *Kubryakova E.S.* (1994) Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psihologiya – kognitivnaya nauka [Initial stages of cognitive science: linguistics - psychology - cognitive science] // VYa. – № 4 – pp. 34-47.

5. *Kubryakova E. C.* (2012) V poiskah sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya [In Search of the Essence of Language: Cognitive Studies] /. In-t. yazykoznanija RAN. — M.: Znak, — pp. 208.
6. *Kuznecov S.A.* (1998) Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Pervoe izdanie [Large explanatory dictionary of the Russian language. First edition]: SPb.: Norint, — pp. 1534.
7. *Lakoff Dzh.* (2004) Metafory, kotorymi my zhivem: per. s angl [Metaphors we live by]. / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson; pod red. i s predisl. A. N. Baranova. — M.: URSS. — pp. 256.
8. *Prohorov, Yu.* (2009) E. V poiskah koncepta [In search of concept] / Yu.E. Prohorov. – 2-e izd. – M.: Flinta: Nauka. - pp.176.
9. *Suhonosova S.V.* (2012) Teoriya frejmov: vozmozhnosti issledovaniya povsednevnosti [Frame theory: possibilities for the study of everyday life] // Chelovek v mire kul'tury [Man in the world of culture]. – №2 - pp. 29-34.
10. *Ushakov D.N.* (1935) Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of Russian Language]. - M.: Gosudarstvennyj institut , - pp. 828.
11. *Charniak E.* (1982) – Context recognition in language comprehension // Strategies for natural language processing. – Hillsdale (N.J.); L.: Erlbaum, 1982. – P. 435-454.
12. *Fillmore Ch.J.* (1975) – An alternative to checklist theories of meaning // BLS, 1975, v.1, 123-131.
13. *Fillmore Ch.J.* (1977) – The case for case reopened // Grammatical relations. – N.Y. etc.: Acad. Press, P.59-81.
14. *Fillmore Ch.J.* (1982) – Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981. – Seoul: Hanship, – P. 111- 137.
15. Proven Context [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.provencontext.nl/blog/framing/> (Data obrashcheniya 20.11.2023)
16. Cambridge Dictionary [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (Data obrashcheniya 20.11.2023)
17. Collins [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (Data obrashcheniya 20.11.2023)
18. Merriam-Webster [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (Data obrashcheniya 20.11.2023)
19. Larousse [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.larousse.fr/> (Data obrashcheniya 20.11.2023)
20. Usito [Elektronnyj resurs]. URL: <https://usito.usherbrooke.ca/> (Data obrashcheniya 20.11.2023)
21. leRobert [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition> (Data obrashcheniya 20.11.2023)
22. Oxford Learner's Dictionaries [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Data obrashcheniya 20.11.2023)

УДК 159.9

Г.А. Коллонтай

АНО ДПО «Институт психологии творчества»
195267, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Ушинского, д. 5,
gkollontay@gmail.com

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЕОРИЙ

Аннотация. В статье представлена классификация основных подходов к изучению феномена благополучия человека и описаны самые известные из разработанных теории благополучия. На основе проведенного анализа установлено, что у данной концепции отсутствует теоретический консенсус; существует ряд различий концептуально-терминологического характера; нет единого понимания процесса формирования субъективного благополучия и факторах, которые на него влияют.

Ключевые слова: благополучие, теории благополучия, гедонистический, эвдемонистический, структурный, генетический подход

G.A. Kollontai

APPROACHES TO STUDYING THE PHENOMENON OF HUMAN WELL- BEING: A REVIEW OF FOREIGN AND LOCAL THEORIES

Annotation. The article presents a classification of the main approaches to studying the phenomenon of human well-being and describes the most famous well-being theories developed. Based on the analysis, it was established that this concept lacks theoretical consensus; there are a number of differences of a conceptual and terminological nature; there is no common understanding of the process of formation of subjective well-being and the factors that influence it.

Keywords: well-being, theories of well-being, hedonic, eudemonic, structural, genetic approach

На современном этапе развития общества, в век метамодерна (П.М. Пискарёв), когда человек постоянно обрабатывает большие объемы информации, ощущает острую нехватку времени и адаптируется ко внезапно изменившимся условиям труда (формат удаленной работы, freelance), наиболее остро встает вопрос о рассмотрении такого феномена, как

благополучие человека (well-being). Процессы, происходящие в настоящий момент, представляют собой разные стороны процесса «антропо-социотехно-трансформации» [7], и, мы полагаем, что современный человек начинает все более активно и осознанно участвовать в них. В современном обществе благополучие вышло за рамки только физического благополучия и сосредоточилось на создании культуры целостного благополучия, включая физическое, эмоциональное, финансовое, социальное, карьерное, общественное и целеустремленное. Благополучие - «многофакторный конструкт, характеризующийся сложной взаимосвязью социальных, культурных, экономических, психологических и духовных факторов» [4, с. 103]. Современный тип работы (включая удаленную работу, freelance) стирает грань между работой и жизнью и, неудивительно, что благополучие и психическое здоровье сотрудников выходят на первый план и являются приоритетом для бизнес-лидеров: согласно опросу «Future Workplace 2021 HR Sentiment» - 68% руководителей отдела кадров оценили благополучие и психическое здоровье сотрудников как главный приоритет для компаний [<https://futureworkplace.com/ebooks/2021-hr-sentiment-survey>]. Центральное место сейчас занимает изучение того, что понимает современный человек («homo-beatus» [15]) под феноменом благополучия, от каких факторов зависит оценка человеком этого феномена и каким образом можно измерить уровень благополучия, чтобы, используя эту информацию понимать, на основе чего создавать среду благополучия и разрабатывать well-being программы. Собственно говоря, этим и обусловлена актуальность заявленной проблемы.

Изучение проблемы благополучия человека уходит корнями в философию, психологию, социологию и другие науки. Проблема благополучия и счастья - как высшего блага, занимала мысли философов не одно тысячелетие. Человек пытался понять, объяснить феномен счастья, в то время как, представления о нем берут свое начало в религии и философии.

Аристотель, Платон, Сократ, Демокрит, Сенека, Декарт, Спиноза, Гольбах и другие выдающиеся философы занимались изучением феномена счастья и благополучия человека. В I веке до н. э. римский философ Варрон насчитал 289 точек зрения на счастье [11]. Постепенно, на смену религиозной парадигме и представлении о благополучии как конечной цели для стремления - пришел научный консенсус, в рамках которого, исследователи связывают благоприятное состояние человеческой психики с внутренним миром человека и его особенностям. Однако, по-прежнему, вопрос о методологии исследования феномена субъективного благополучия остается открытым, а также понимание процесса и факторах его формирования. На наш взгляд, сложность согласования определения субъективного благополучия заключается в том, что сама конструкция благополучия связана с субъективным восприятием и каждый компонент представляет собой субъективную оценку человеком того, как он понимает, что такое благополучие для него.

Первые попытки измерить «счастье» берут свое начало в исследованиях Э. Дюркгейма. Несколько позже, Н. Брэдбурн (1969) предложил «счастье» оценивать как баланс между положительными и отрицательными субъективными оценками эмоционального отношения личности к различным обстоятельствам в жизни и начал изучать влияние разнообразных факторов на ощущение счастья и общую удовлетворенность [23]. В последующих исследованиях проблема измерения счастья и благополучия рассматривалась в контексте различных направлений: как единый фактор человеческого опыта (М. Аргайл [2]), как баланс переживаний между положительными и отрицательными эмоциям, психологическое состояние, возникающее в результате самосовершенствования личности и в рамках актуальной деятельности (Л.З. Левит [10]), как сложный конструкт и субъективная положительная оценка происходящего, смысловые основания личности (Д.А. Леонтьев [11]), в субъективном ощущении бытия (И.А.

Джидарьян [5]), самоактуализации (Л.З. Левит [10]); умение контролировать себя, свои чувства и впечатления, находить радость в повседневной жизни (М. Чиксентмихайи [26]); как набор ресурсов и положительных качеств человека (М. Робинсон и К. Рифф [46] ; К. Кейз и М. Уотерман [39]).

Попытки измерить благополучие населения начались еще в 1940-х годах, когда появилась концепция благополучия во вступительном пункте конституции Всемирной организации здравоохранения [52], которая определяет здоровье как «состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов». С тех пор, интерес к понятию благополучия населения и человека, в том числе и в бизнес-среде только нарастает. Например, если вы обратитесь к Google Trends, то вы увидите, что он отражает устойчивую тенденцию к росту поисковых запросов Google, включающих фразу «благополучие», начиная с июня 2004 года (самые ранние данные) с индексом 0, увеличившись до индекса 100 (декабрь 2022) и 75 (сентябрь 2023), что указывает на очень сильный объем поиска на сегодняшний день и высокий интерес к данной теме.

С середины XX века американские ученые начали активно заниматься изучением счастья и удовлетворённости, и постепенно сложилась практика рассмотрения психического благополучия как противоположности психическому нездоровью и неблагополучию, что послужило толчком для появления следующих научных работ: «Модель человеческих тревог» Кентрила (1965г); «Структура психологического благополучия» Бредберна (1969); в 1967 г. Уилсоном впервые был опубликован обзор научной литературы, изучающей феномен субъективного благополучия; в 1976 году провели исследование «Качество американской жизни» Кэмпбелла, Конверса и Роджерса. В 1984 г. Е. Динер повторил работу Уилсона. В 1994 году был опубликован научный труд Венховена «Корреляты счастья», состоящий из трех томов, в котором были проанализированы 630 крупнейших

исследований со всего мира и в 1999 г. и под его руководством был создан журнал «Исследования счастья» (Journal of Happiness Research). В том же, 1999 году Канман, Динер и Шварц опубликовали свою работу «Основы гедонистической психологии» [12]. Разработкой основных подходов к определению благополучия занимались: Н. Брадбурн, Е. Динер, К. Рифф, К. Кейз, М. Селигман, Е. Дечи, М. Аграйл, М. Чинксентмихайи, Е. Джиованни, М. Галахер, Д. Чапински, Д.А. Леонтьев, Г.М. Шамионов, Л.В. Куликов, С.В. Яремчук, Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко, Г.В. Пучкова, П.М. Пискарев, В.О. Татаркевич, В.В. Козлов, Н.А. Батулин и многие другие известные ученые, каждый из которых, сделал свой весомый вклад в понимание этого феномена, рассматривающих его проявления в различных аспектах человеческой жизни. Субъективное благополучие стало ключевым показателем психического и психологического здоровья человека, важным условием его полноценного развития. При этом чувство благополучия очень важно для субъективного мира человека и существуют объективные критерии благополучия: успешность, материальный достаток, показатели физического здоровья и др. Оно является важным компонентом психического состояния, оказывающим влияние на отношения человека с окружающим миром и его успехи взаимодействия с другими людьми и средой. На сегодняшний момент в научной литературе используется ряд терминов, отражающих состояние благополучия человека: «субъективное благополучие», «удовлетворенность жизнью», «счастье», «психологическое благополучие», «психологическое здоровье», «эмоциональное здоровье», «качество жизни», «процветание», «витальность», «психологическое», «материальное / экономическое / финансовое», «субъективное», «социальное», «профессиональное», «физическое», «межличностное», «личностное», «духовное», «эмоциональное» и т. д. Однако считаем важным отметить то, что строгая дифференциация вышеупомянутых терминов отсутствует, и нет описания отличий между ними и рекомендаций к области применения. Исходя из

проведенного анализа, мы можем сказать, что субъективное благополучие рассматривается учеными как многокомпонентный феномен, который включает в себя разнообразные виды объективных и субъективных факторов: уровень интеллекта, личных качеств человека, наличия эмоциональных и поведенческих стереотипов, разнообразных коммуникативных навыков, системы личностных ценностей, определенных целей в жизни. Различные аспекты благополучия могут быть измерены субъективными (самооценка) и объективными (психодиагностическими) методами.

Подходы к изучению феномена благополучия человека

Мы полагаем, что повышенный интерес к данной теме и привел к появлению большого числа психологических, социологических, политических, экономических исследований феномена благополучия. Однако, хотим отметить, что отсутствие интегративного подхода к изучению феномена субъективное благополучие человека повлекло за собой отсутствие единой точки зрения относительно понятия «благополучие человека». В настоящее время существует несколько подходов по объединению существующих теорий благополучия в группы. К. Рифф считает, что все теории можно разделить на гедонистические и эвдемонистические; Е. Дейси и Г. Райан предлагают свою теорию самодетерминации как интегрирующую оба подхода; Е. Позднякова разделяет существующие теории на 4 концептуальных подхода: гедонистический (Н. Брадбурн, Е. Динер), эвдемонистический (А. Уотерман), теории в русле позитивной психологии (А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Оллпорт, К. Джанг, Е. Эриксон, М. Ягода, Д. Биррен) и теория самодетерминации (Р. Райан, Е. Дечи); П. Куки и соавторы в 2016 году выделили четыре подхода и разграничили их по критерию общепотребительности: гедонистический, эвдемонистических, качество

жизни и оздоровительный, при этом, в своей работе они приводят 42 метода измерения различных аспектов благополучия [25]

И если в зарубежной психологии основными, наиболее часто используемыми подходами к изучению благополучия являются гедонистический и эвдемонистический подходы, аффективный и когнитивный подходы, а современное направление – практико-ориентированный подход, то в отечественной психологии при анализе психологического феномена благополучия, ученые чаще опираются на структурный и генетический подходы [1, с. 206].

Гедонистический и эвдемонистический подходы

Со времен античной философии бытует два основных представления о счастье и благополучии человека: гедонистическое (основоположник Аристипп из Кирены) и эвдемонистическое (термин введен Аристотелем) и сегодня в психологической науке для классификации существующих концепций благополучия ложатся вышеназванные основные подходы: гедонистический и эвдемонистический. Гедонистическая линия трактовки феномена – субъективное благополучие связано с позитивными эмоциями; эвдемонистическая линия трактовки – субъективное благополучие связано с удовлетворением потребностей человека, которое приводит к переживанию психологического благополучия личности [14]. Однако, считаем необходимым отметить, что недостаток гедонистического подхода – теоретическая неразработанность, а эвдемонистического — трудно эмпирически оценить уровень благополучия. Гедонистический подход базируется на изучении счастья и определяет благополучие в терминах достижения удовольствия и избегания негативного аффекта, изучается эмоциональное состояние благополучия. Гедония относится к субъективным переживаниям удовольствия независимо от источников, из которых это удовольствие происходит. В классической философии Аристип Киренский

определял гедонию, как основу для «хорошей жизни» и считал, что «удовольствие является единственным благом, но также и то, что только собственное физическое, положительное, сиюминутное удовольствие является благом, и является таковым независимо от его причины» [17]. К наиболее популярным исследованиям в русле гедонистического подхода можно отнести исследования таких ученых как Н. Бредберн, Е. Динер, М. Аграйл, С. Любомирски, Е.Джиованини и др. Н. Бредберн ввел в научный дискурс термин психологическое благополучие и трактовал его структуру как соотношение позитивного и негативного аффектов, возникающих в ответ на различные события во внешней среде [23]. Наиболее известной теорией в гедонистическом направлении считается трехкомпонентная теория Е. Динера [15]. Е. Динер, развивая идеи Н. Бредберна, в 1980-е гг. ввел в научный дискурс феномен «удовлетворенность жизнью» и, по его мнению, «удовлетворенность», «позитивный аффект» и «негативный аффект» — это три фактора, которые принимают участие в формировании психологического благополучия. Позднее, в 1995 году, изучая проблемы, связанные с удовлетворенностью жизнью, Е. Динер ввел понятие «субъективное благополучие». Феномен субъективного благополучия получил обширную и систематическую эмпирическую и теоретическую обработку. Субъективное благополучие определяется Е. Динером как качество жизни человека в отношении как наличия, так и относительной частоты положительных и отрицательных эмоций с течением времени, а также общего уровня удовлетворенности жизнью, как «широкая категория феноменов, заключающихся в эмоциональной реакции людей, их удовлетворенности отдельными сферами жизни, а также в их суждениях о качестве жизни в целом» [15]. В 2003 году М. Аграйл, опираясь в своем исследовании на те же конструкты, объединяет их термином «счастье», которое приравнивает к субъективному благополучию [2]. Важно отметить, что позднее, ученые, работающие с вышеназванными факторами благополучия, обратили

внимание на то, что следует разграничивать понятия интенсивность и длительность аффекта, так как в ходе исследований была обнаружена взаимосвязь между частой переживания положительных и отрицательных аффектов - чем чаще человек испытывает положительный аффект, тем реже переживает отрицательный и наоборот, при этом корреляции интенсивности этих аффектов, как правило, положительные, что частота аффекта будет служить лучшим показателем благополучия [14]. Это мнение поддерживает и С. Любомирски, исследуя счастье как длительное преобладание позитивного аффекта [40]. Также, к гедонистическому подходу мы можем отнести и исследование, проведенное в 2009 году, Е. Джиованини, который выделил 6 факторов субъективного благополучия: физическое и психическое здоровье, свобода и самоопределение, хорошая работа, удовлетворительные межличностные отношения, материальное благополучие, знание и понимание мира [33]. В перечисленных выше подходах ключевая роль в достижении психологического благополучия отводится соотношению позитивных и негативных эмоций, что дает основания рассматривать их как гедонистические концепции субъективного благополучия.

В свою очередь, внимание на самореализации и личностных смыслах акцентирует подход эвдемонистический, и он определяет благополучие человека с точки зрения полноты реализации личностью своего потенциала и эвдемонистические модели содержат больше компонентов и отличаются содержанием. Современные философы-эвдемонисты, Р. Краут и Д.Л. Нортон заметили, что существует определенный набор субъективных переживаний, присутствующих при жизни в соответствии с качествами, описанными Аристотелем [18; 43]. Д.Л. Нортон описал это как чувство «быть там, где ты хочешь быть, делать то, что ты хочешь делать» [43] когда то, что ты хочешь, воспринимается как то, что стоит делать. Эвдемонистическое благополучие относится к понятию качество жизни, полученному в результате развития лучших потенциалов человека и их применения для достижения личностно

выразительных и согласующихся с собой целей. Термин эвдемоническое благополучие возник как дополнение, так и контраст к субъективному благополучию для понимания и изучения качества жизни. А. Уотерман обозначил, что эвдемония связана с переменными, которые отражают внутреннюю мотивацию и включает в себя развитие своих лучших качеств, и использование этих качеств для достижения целей жизни. Приводя доводы в пользу дальнейшего применения эвдемонических философских концепций к развитию психологической теории и исследованиям благополучия А.С. Уотерман и коллеги пришли к выводу, что ценность таких усилий будет зависеть от разработки инструментов, которые точно отражают философское понимание эвдемонии [53]. Основной пласт работ и научных материалов, написанных в эвдемонистическом подходе, представлен исследованиями и разработками К.Д. Рифф, Э.Л. Деси, Р.М. Райана, К. Кейз, М. Селигман и др. Авторы, опирающиеся на эвдемонистическую традицию в исследовании благополучия, рассматривают личность в рамках социального контекста и отношений, а также, учитывают не только достигнутый на данный момент уровень удовлетворенности жизнью, но и опыт, ресурсы, приобретенные человеком, которые являются значимыми для его дальнейшего развития. Одна из наиболее известных моделей субъективного благополучия в эвдемонистическом подходе – модель предложенная К. Рифф [39 ; 57], в которую вошли шесть личностных сфер, при балансе развития которых, человек может считаться психологически благополучным: автономия, управление окружающей средой, личностный рост, позитивное отношение к окружающим, наличие жизненных целей, самопринятие; также, была выявлена структура психологического благополучия и разработана достаточно популярная шкала для диагностики психологического благополучия. В русле эвдемонистического подхода в 2001 году была предложена теория самодетерминации Р. Райана и Е. Дейчи, которая включает

три компонента: самодетерминация; компетентность; положительные отношения [48].

Аффективный и когнитивный подходы

Аффективный подход ориентирован на соотношение активности и эмоций, когнитивный подход – на баланс между вызовами и навыками человека. Самые известные теории в русле данных подходов были предложены учеными П. Уорром, Гонсалес-Рома, Саланова и др. В контексте аффективно-когнитивного подхода к изучению благополучия можно выделить несколько направлений, в каждом из которых акцентируются различные смысловые аспекты. Например, П. Уорр представляет свою концепцию аффективного подхода к благополучию (1990), связывая его с возникновением чувственного возбуждения, которое становится основой деятельности, и приносящим удовлетворение опытом [54]. М. Чинксентмихайи в рамках когнитивного подхода предлагает соблюдать баланс между навыками и вызовами (проблемами) [26]. Группой ученых (В. Гонсалес-Рома, В. Шауфели, А. Бэккер, А. Ллорет) в 2006 году было предложено объединить аффективный и когнитивный подходы, и они измеряются уровнем энергии и идентификацией [35]. Наконец, в 2014 году была представлена интегративная модель благополучия, которая включает в себя четыре типа классификаций показателей благополучия: удовлетворение и стимуляция, депрессия и энтузиазм, вызовы и навыки, энергия и идентичность (М. Саланова, М. Дель Лиано, С. Ллоренс, В. Шауфели) [49].

Структурный и генетический подходы

Хотим отметить, что в отечественной психологии при анализе психологического феномена благополучия, ученые достаточно часто опираются в своих работах на структурный и генетический подходы [1, с. 206]. В генетическом подходе делается акцент на развитии и формировании

феномена благополучия и на факторах, влияющих на этот процесс. В рамках структурного подхода исследуется компонентный состав феномена благополучия. Исследования отечественных ученых показали, что благополучие представляет собой сложное образование, включающее ряд взаимосвязанных компонентов.

Структурный подход состоит из трех компонентов: эмоционального, когнитивного и поведенческого. К эмоциональному компоненту относят переживания, вызванные степенью успешности личности в различных сферах деятельности. Под когнитивным компонентом подразумевается понимание актуальной жизненной ситуации и непротиворечивой картины мира [17, с. 127]. Поведенческий компонент представлен в виде проявлений благополучия личности в различных сферах и обеспечивает целеполагание, а также контроль за событиями в собственной жизни [17]. В 2003 году Л. Куликов выделил 5 взаимосвязанных элементов субъективного благополучия в рамках структурного подхода: 1) социальное благополучие (удовлетворенность своим социальным статусом, состоянием общества, к которому принадлежит индивид, межличностными связями и пр.); 2) духовное благополучие (возможность приобщаться к богатствам духовной культуры, осознание и переживание смысла своей жизни, свобода вероисповедания и пр.); 3) физическое (телесное) благополучие – хорошее физическое самочувствие, ощущение здоровья и пр.; 4) материальное благополучие – удовлетворенность материальной сферой своей жизни; 5) психологическое благополучие (душевный комфорт) – слаженность психических процессов, гармония личности, ощущение целостности, внутреннего равновесия [9, с.127]. Немного позднее, в 2005 году ученые Т.Д. Шевеленкова и П.П. Фесенко предложили ввести суммарный показатель благополучия по 6 компонентам, которые были предложены К. Рифф и дополнительно выделили еще 4 компонента благополучия: «баланс аффекта» (соотношение позитивных и негативных аффектов), «осмысленность жизни» (оценка прошлого,

настоящего и перспектив), «человек как открытая система» (способность поддерживать близкие контакты и усвоение нового опыта), а также иным образом, чем у К. Рифф предложили оценивать компонент «автономия» (способность быть независимым) [21]. Теоретическая модель «личностного благополучия» была разработана и предложена Н.А. Батуриным (2005). Под этим термином он понимает системное образование психики, базой которого, с одной стороны, является позитивное функционирование, позволяющее человеку проявлять позитивную активность в различных сферах жизни, а с другой стороны наличие позитивных субъективных оценок внешних факторов благополучия. В рамках этой модели благополучие выступает как обобщенное отображение факторов всех уровней в виде эмоций, оценок и суждений, позволяющих человеку испытывать удовлетворенность жизнью [3]. Учеными Л.В. Карапетян и Г.А. Готовой в структуре «эмоционально-личностного благополучия» были выделены три компонента (позитивный эмоциональный компонент, позитивный личностный компонент и негативный компонент, компонент неблагополучия), образованные девятью параметрами внутреннего благополучия (счастье, везение, оптимизм, успешность, компетентность, надежность, пессимизм, несчастливость, завистливость), каждый из которых имеет четыре составляющие (эмоциональную, когнитивную, регулятивную, поведенческую) [6]. Р. Шаминов в своей работе, посвященной критериям субъективного благополучия личности пишет о том, что в отечественной психологии содержание понятия благополучия демонстрирует пересечение с такими понятиями, как зрелость личности (К.А. Абульханова-Славская), субъектность (А.В. Брушлинский), «удовлетворенность жизнью» (Р.Х. Шакуров, А.Б. Белоусова), «субъективное качество жизни» (А.А. Подузов, В.С. Языкова), «счастье» (И.А. Джидарьян, Д.А. Леонтьев), «эмоциональный комфорт» (С.В. Духновский) и др. Р.М. Шамионов пишет о том, что

родственными термину «субъективное благополучие» являются понятия «оптимизм», «удовлетворенность жизнью», «счастье» [20].

В работах отечественных авторов, выполненных в рамках генетического подхода, изучаются, факторы, влияющие на формирование и динамику благополучия личности. В своем исследовании С.В. Яремчук называет такие виды факторов субъективного благополучия, как биологические (пол, возраст и уровень соматического здоровья), социально-деятельностные (качество отношений со значимыми другими, трудовая и досуговая деятельность с возможностью творческой самореализации, адекватная оценка со стороны социума, достойный социальный статус и уровень жизни) и внутриличностные факторы (уверенность в себе и собственном будущем, оптимизм, психологическая устойчивость, чувство безопасности, а также количество внутриличностных конфликтов и степень реализованности ценностей личности. К числу детерминант благополучия он относит состояние здоровья, материальную обеспеченность, социальную поддержку, особенности культурной среды [22]. Следует отметить то, что результаты работ отечественных ученых по исследованию феномена благополучия, показали, что многофункциональность и многоаспектность личности приводит к выделению разнообразных видов благополучия.

Теории XXI века в русле позитивной психологии

В начале XXI века изучение феномена субъективного благополучия и счастья вошли в ряд наиболее популярных мишеней эмпирических исследований в науках о человеке. Наблюдаемый рост интереса к факторам, влияющим на счастье и благополучие был порожден таким «явлением, как позитивная психология — направление исследований и прикладных разработок, сосредоточенное на достоверном эмпирическом выявлении условий и факторов, способствующих счастью и благополучию и исходящее из того доказанного факта, что одного лишь устранения проблем и

нарушений для этого недостаточно: позитивная динамика человеческой жизни имеет свои закономерности, не сводимые к зеркальному отображению ее негативной динамики» [11].

Исследовав зарубежные теории благополучия, разработанные в русле позитивной психологии, можем сказать, что авторы чаще всего опираются на теорию Б. Фредриксона «О расширении и построении положительных эмоций» [32], на концепцию сильных сторон PERMA М. Селигмана [50], модель исследовательского центра Гэллапа, теорию потока М. Чиксентмихайи [19], теорию самоопределения Р. М. Райана и Э. Л. Деси [48], теорию надежды Ч. Р. Снайдера [51]. При этом, в последнее десятилетие в западной бизнес-среде широко применяется теория о благополучии “PERMA” М. Селигмана [50], который в своих работах сместил фокус с негативных факторов жизни человека (стресс, страх, депрессия) на позитивные, которые способствуют повышению уровня счастья. М. Селигман выделил пять компонентов субъективного благополучия: положительные эмоции, смысл, вовлеченность, позитивные отношения с окружающими, достижения. Автор ввел следующие понятия: «процветание», «добродетель» и «сила характера», представил классификацию «позитивных симптомов», «сильных черт характера». Он считает, что важная роль при формировании субъективного благополучия принадлежит как индивидуальному генетическому набору, так и условиям окружающей среды, однако, качества личности вносят решающий вклад. М. Селигман отмечает, что, совершая выбор в жизни, человек стремится достичь наибольшего успеха по каждой составляющей. Мы полагаем, что активное применение его теории в бизнес-среде связано с тем, что сейчас считается, что счастливые, активные, психологически благополучные сотрудники, которые любят свою работу, используют профессиональную среду для раскрытия своего личностного и профессионального потенциала и они смогут обеспечить процветание организации.

Практико-ориентированный подход

В дополнение к вышеописанным подходам, которые в основном концентрируются на психологических аспектах благополучия, существует и практико-ориентированный подход. В рамках этого подхода изучается взаимосвязь благополучия с различными аспектами жизнедеятельности человека и бизнес-среды. Исследования, в которых изучалась взаимосвязь феномена субъективного благополучия человека и процессами, происходящими в бизнес-структурах, вызывают у нас научный интерес, так как они отражают взаимное влияние субъективного благополучия человека на экономические показатели работы бизнес-системы и наоборот, что актуально для человека в современную эпоху, когда большую часть своего жизненного времени человек тратит на взаимодействие с различными социально-экономическими системами. Впервые в 2005 году была изучена взаимосвязь дохода и благополучия [31]; в 2010 году были проведены исследования, изучающие взаимосвязь между эмоциональным благополучием и производительностью труда, а также, между внутренней удовлетворенностью работой и проблемами обучения и развития менеджеров [37], в это же время, Дж. Освальд и С. Ву нашли объективное подтверждение субъективных показателей благополучия человека [45]. В работе Фабиуса была выявлена взаимосвязь между здоровьем и безопасностью сотрудников и конечным результатом их труда, через отслеживание рыночных показателей компаний, которые воспитывают «культуру здоровья», что оказывает непосредственное влияние на уровень благополучия человека [29]. В 2014 году группа ученых представила описание четырех типов благополучия сотрудников и связанные с ними психосоциальные предпосылки [49]. Д.У. Эдингтон, Дж. С. Питтс и А.Б. Шульц, исследуя здоровье как экономическую стратегию, получили сравнительные данные, относящиеся к образу жизни, заболеваниям и экономическим потерям на рабочем месте, выявили дополнительные детерминанты

здоровья, характеризующие благополучие: социально-эмоциональные состояния и позитивные характеристики личности, а также окружающей среды и культуры [30]. Чуть позже, в 2015 году в ряде исследований была выявлена взаимосвязь увязки коэффициента возврата инвестиций (return on investment, ROI) и лучших практик укрепления здоровья на рабочем месте и организационных финансовых показателей через отслеживание рыночных показателей компаний [36; 44].

В 2016 году М. Линтон со своими коллегами провели большую исследовательскую работу и опубликовали анализ существующих инструментов благополучия [41]. Целью их работы являлось идентификация и систематизация инструментов благополучия (важно отметить то, что они брали инструменты, доступные только в английской версии), для того чтобы понять какие из существующих инструментов могут наилучшим образом соответствовать целям измерения меры благополучия. В своем обзоре ученые предоставили подробный перечень 99 общих показателей благополучия взрослых, хронологию, иллюстрирующую развитие этих инструментов за последние 50 лет в западной психологии, и тематически каталогизированный реестр из 196 доступных измерений. Фактические данные, полученные ими, свидетельствуют о том, что нет единого мнения о том, как следует измерять благополучие, как должны быть разработаны инструменты или какие измерения должны быть включены. Вариативность между инструментами, которая прослеживается в исследовании, подтверждает необходимость уделять пристальное внимание тому, что оценивается в рамках измерения «благополучия». Авторы пишут о том, что термин «благополучие» они рекомендуют использовать в качестве "зонтичного термина, отражающего вышеупомянутые понятия, а не качестве отдельного унитарного понятия. Вместо этого следует уделять больше внимания аспектам благополучия". Проведя свое исследование, они пришли к выводу о том, что дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на лучшем понимании

концептуальных сходств и различий между различными измерениями благополучия.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что теоретический анализ литературы по проблеме изучения феномена субъективного благополучия позволил обобщить основные теории и сделать ряд выводов:

1. Вопрос о методологии исследования феномена субъективного благополучия остается открытым, до сегодняшнего момента нет единого понимания процесса формирования субъективного благополучия, и факторах, которые на него влияют. Существуют несколько основных подходов, которые чаще всего используются при классификации существующих теорий благополучия: гедонистический, эвдемонистический, аффективный, когнитивный, практико-ориентированный, структурный, генетический и подход в русле позитивной психологии XXI века.

2. В настоящее время в научной литературе используются разнообразные конструкты, под которыми исследователи понимают феномен субъективного благополучия, при этом, они слабо дифференцированы и частую используются как синонимы: счастье (W. Wilson, N. Bradburn, M. Argyle, Ed Diener, И. А. Джидарьян, D. Kahneman, Ed Diener, & N. Schwarz, S. Lyubomirsky, L. King, Ed Diener); психическое здоровье (M. Jahoda) удовлетворенность жизнью (N. Bradburn, F. M. Andrews & S. B. Withey, Ed Diener, Ed Diener, J.S. Larsen, S. Levine, R.A. Emmons, И.А. Джидарьян); удовлетворенность в конкретных сферах (Ed Diener, Ulrich Schimmack); качество жизни (A. Campbell, D.P. Crowne, D.A. Marlowe); благополучие (N. Schwarz, G. L. Clore, R.M. Ryan, E.L. Deci, H.T. Reis, R.M. Ryan); психологическое благополучие (N. Bradburn, C. Ryff, Chan Mei Fen, A.S. Waterman; D. Kahneman; M. Seligman, С.В. Карсканова, Е. Лознякова, А.С. Ширяева, Ю.М. Александров, С.А. Водяха, Г.С. Хафизова, Ю.Б. Дубовик, Г.С. Шарапова, А.С. Ширяева, А. Сырцова,

Л.Н. Яворской, Г.С. Филоненко, Я.И. Павлоцкая); субъективное благополучие (Ed Diener, P.T. Costa, R.R. McCrae, Ed Diener, J.S. Larsen, S. Levine, R.A. Emmons, M.W. Fordyce, K. Magnus & Ed Diener, Ed Diener, J.S. Larsen, Ed Diener, E. Sandvik, W.G. Pavot, Ed Diener, S. Oishi, Г.М. Шамионов, U. Schimmack, M. Eid, R.J. Larsen, Л.В. Куликов, М. Дмитриева, А. Долина, М. Розанова, Т. Тимошенко, Н.С. Нахабич, А.В. Bakker, Н.В. Усова, Н.А. Батулин, С.А. Башкатов, Н.В. Гафарова, Т.В. Бескова, Г.М. Шамионов, Е.Е. Бочарова, М.В. Григорьева, Д.А. Леонтьев, С.К. Летягина, Г.Л. Пучкова, М.В. Соколова, С.В. Яремчук, Л.В. Карапетян, Н.В. Подбуцкая, А.Г. Зуева, Т.В. Данильченко, Е. Бенко); актуальное и идеальное психологическое благополучие (П.П. Фесенко).

3. Субъективное благополучие может рассматриваться как системный феномен, включающий в себя наиболее широкий спектр субъективных и объективных факторов позитивного функционирования личности, включающих в себя эмоциональную, когнитивную, поведенческую и мотивационную составляющие.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001. 260 с.
2. *Аргайл М.* Психология счастья. СПб.: Питер, 2003. 272 с.
3. *Батулин Н.А., Башкатов С.А., Гафарова Н.В.* Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник ЮУрГУ. 2013. № 4. С. 4-13.
4. *Гордеева Т.* Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования. 2010. № 3. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v3i12.90>;
5. *Джидарьян И. А.* Счастье в представлениях обыденного сознания // Психол. журн. 2000. Т. 21, № 2. С. 40-48.
6. *Карапетян Л.В., Глотова Г.А.* Эмоционально-личностное благополучие: монография // Екатеринбург: Уральский институт ГПС МЧС России, 2017. - 212 с.
7. *Козлов В.В.* Интегративная психология. Монография – М.: Изд-во ИП Петросян, 2023. - 748 с.
8. *Китаева М.П.* Коучинговый подход к преодолению цифрового отчуждения человека свободной профессии // Организационная

психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал – №4 (24). - С. 96-113.

9. *Куликов Л.В.* Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: учебное пособие. СПб : Питер, 2004. 464 с.

10. *Левит Л. З.* Личностно-ориентированная концепция счастья: новая системная парадигма // Пед. образование в России. 2013. № 1. С. 102-111.

11. *Леонтьев Д. А.* Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14-37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>.

12. *Матюшина М.Г.* Основные подходы к раскрытию понятия «субъективное благополучие» в отечественной и зарубежной психологии // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена [Текст]. - Санкт-Петербург, 2016. - N 182. - С. 127-131.

13. *Новак Н. Г.* Основные подходы к определению психологического благополучия личности в современной психологии // Психол. журн. 2008. № 2 (18). С. 21-25.

14. *Пахоль Б.Е.* Субъективное и психологическое благополучие: современные и классические подходы, модели и факторы / Б. Е. Пахоль // Украинский психологический журнал. – 2017. –№ 1 (3). – С. 80-104.

15. *Пискарев П.М.* Метамодерн и интегративная теория гуманитарного знания: дис. ... д-ра психол. наук. Яр., 2019. 469с.

16. *Пучкова Г.Л.* Субъективное благополучие как фактор самоактуализации личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Хабаровск, 2003. 163 с.

17. *Татаркевич В. О.* О счастье и совершенстве человека / пер. с польск., сост. Л. В. Коноваловой, под ред. Л. М. Архангельского. - М.: Прогресс, 1981. - 368с.

18. *Фесенко П.П.* Имеет ли понятие психологического благополучия социально-культурную специфику? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 132-138.

19. *Чиксентмихайи М.* Поток: Психология оптимального переживания. М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2017. 416 с.

20. *Шамионов Р.М.* Критерии субъективного благополучия личности: социокультурная детерминация // Изв. Саратов. ун-та. Нов.сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 3 (15).

21. *Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П.* Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95-129.

22. *Яремчук С.В.* Субъективное благополучие как компонент ценностно-смысловой сферы // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 85-95.

23. *Bradburn N.* The Structure of Psychological well-being / N. Bradburn. - Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. – P. 320.
24. *Czapinski J.* Illusions and Biases in Psychological Well-Being: An 'Onion' Theory of Happiness // Working Meeting of I.S.R. and I.S.S. (Ann Arbor, 1991). Ann Arbor: University of Michigan, 1991. P. 23.
25. *Cooke P. J.* Measuring Well-Being : A Review of Instruments / Philip J. Cooke, Timothy P. Melchert, Korey Connor // Published. - SAGE Publications, 2016. - P. 730-757.
26. *Csikszentmihalyi, M.* (1990). Flow: The psychology of optimal experience. New York: Harper & Row.
27. *Diener E* (2000). Subjective well-being: The science of happiness and a proposal for a national index. *American Psychologist*. 55. pp. 34-43.
28. *Deci E. L.* Need satisfaction, motivation, and well-being in the work organizations of a former Eastern Bloc country: a cross-cultural study of self-determination / Deci E. L., Ryan R. M., Gagne M., Leone D. R., Usunov J. & Kornazheva B. P. // *Personality and Social Psychology Bulletin*. - 2001. – P. 930-942.
29. *Fabius, R., Thayer, R. D., Konicki, D. L., Yarborough, C. M., Peterson, K. W., Isaac, F., ... Dreger, M.* (2013). The link between workforce health and safety and the health of the bottom line: tracking market performance of companies that nurture a “culture of health”. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 55(9), P. 993-1000.
30. *Edington, D. W., Pitts, J. S., Schultz, A. B.* (2014). Health as an economic strategy: special emphasis on the workplace. *American Journal of Lifestyle Medicine*, 8(5), P. 330-335.
31. *Ferrer-i-Carbonell, A.* (2005). Income and well-being: an empirical analysis of the comparison income effect. *Journal of public economics*, 89(5-6), 997-1019.
32. *Fredrickson, B.* (2009). *Positivity: Groundbreaking Research Reveals How to Embrace the Hidden Strength of Positive Emotions, Overcome Negativity, and Thrive.* New York, NY: Crown.
33. *Giovanini E., Hall J., Morrone A., Rannuzi G.* A framework to measure the progress of societies, OECD Working Paper, 2009.
34. *Gallagher M.W., Lopez S.J., Preacher K.J.* The hierarchical structure of well-being // *Journal of Personality*. 2009. № 77. pp. 1025–1050. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2009.00573.x>
35. *González-Romá, V., Schaufeli, W. B., Bakker, A. B., Lloret, S.* (2006). Burnout and work engagement: Independent factors or opposite poles? *Journal of vocational behavior*, 68(1), 165-174.
36. *Grossmeier, J., Fabius, R., Flynn, J. P., Noeldner, S. P., Fabius, D., Goetzel, R. Z., Anderson, D. R.* (2016). Linking workplace health promotion best practices and organizational financial performance: tracking market performance of companies with highest scores on the HERO scorecard. *Journal of occupational and environmental medicine*, 58(1), 16-23.

37. *Hosie, P. J., Sevastos, P. P.* (2010). A framework for conceiving of job-related affective wellbeing. *Management revue*, 406-436.
38. *Kraut R* (1979). Two conceptions of happiness. *Philosophical Review*. 87.167-196.
39. *Keyes C. L. M., Waterman M. B.* Dimensions of Well-Being and Mental Health in Adulthood // Well-being. Positive Development Across the life Course. Hillsdale; London: Erlbaum Associates. 2003. P. 477-495.
40. *Lyubomirsky S.* The benefits of frequent positive affect: Does happiness lead to success? / *Lyubomirsky S., King L. & Diener E.* // *Psychological Bulletin*. – 2005. - № 131. – P. 803-855.
41. *Linton M.J., Dieppe, P., Medina-Lara, A.* Review of 99 self-report measures for assessing well-being in adults: Exploring dimensions of well-being and developments over time. *British Medical Journal Open*. 2016;6(7): e010641.
42. *McDowell J.* The role of eudaimonia in Aristotle's ethics. In *Rorty AO* (Ed.), *Essays on Aristotle's ethics* (pp. 359-376). Berkeley, CA: University of California Press.
43. *Norton DL* (1976). *Personal destinies*. Princeton, NJ: Princeton University Press. [Google Scholar]. pp.216.
44. *O'Donnell, M. P.* (2015). What is the ROI for workplace health promotion? It really does depend, and that's the point.
45. *Oswald, A. J., Wu, S.* (2010). Objective confirmation of subjective measures of human well-being: Evidence from the USA. *Science*, 327(5965), 576-579.
46. *Robinson M. D., Ryff C. D.* The role of self-deception in perceptions of past, present and future happiness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol. 25. N. 5. P. 596-608.
47. *Ryff C.D.* The contours of positive human health // *Psychological Inquiry*. 1998. Vol. 9. P. 1-28.
48. *Ryan R. M.* On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudemonic well-being / *Ryan R. M., & Deci E. L.* // *Annual Review of Psychology*. – 2001. - № 52(1). – P. 141-166.
49. *Salanova, M., Del Líbano, M., Llorens, S., Schaufeli, W. B.* (2014). Engaged, workaholic, burned-out or just 9-to-5? Toward a typology of employee well-being. *Stress and Health*, 30(1), 71-81.
50. *Seligman M.* (2018): PERMA and the building blocks of well-being, *The Journal of Positive Psychology*, DOI: 10.1080/17439760.2018.1437466
51. *Snyder, C. R.* (2000b). The past and possible futures of hope. *Journal of Social & Clinical Psychology*, 19, 11-28.
52. World Health Organization, "Constitution of the World Health Organization" *American Journal of Public Health* 36 no 11 November 1 1946. pp. 1315-1323.
53. *Waterman AS, Schwartz SJ, & Conti R* (2008). The implications of two conceptions of happiness (hedonic enjoyment and eudaimonia) for the understanding of intrinsic motivation. *Journal of Happiness Studies*. 9. pp. 41-79.

54. Warr, P. (1990). The measurement of well-being and other aspects of mental health. *Journal of occupational Psychology*, 63(3), 193-210.

Referencias

1. *Anan'ev B.G.* O problemah sovremennogo chelovekoznanija. SPb: Piter, 2001. 260 s.
2. *Argajl M.* Psihologija schast'ja. SPb. : Piter, 2003. 272 s.
3. *Baturin N.A., Bashkatov S.A., Gafarova N.V.* Teoreticheskaja model' lichnostnogo blagopoluchija // *Vestnik JuUrGU*. 2013. No 4. S. 4-13.
4. *Gordeeva T.* Teorija samodeterminacii: nastojashhee i budushhee. Chast' 1: Problemy razvitija teorii // *Psihologicheskie issledovanija*. 2010. № 3. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v3i12.90>;
5. *Dzhidar'jan I. A.* Schast'e v predstavlenijah obydenного soznaniya // *Psihol. zhurn.* 2000. T. 21, № 2. S. 40-48.
6. *Karapetjan L.V., Glotova G.A.* Jemocional'no-lichnostnoe blagopoluchie: monografija // Ekaterinburg: Ural'skij institut GPS MChS Rossii, 2017. 212 s.
7. *Kozlov V.V.* Integrativnaja psihologija. Monografija – M.: Izd-vo IP Petrosjan, 2023-748s.
8. *Kitaeva M.P.* Kouchingovyj podhod k preodoleniju cifrovogo otchuzhdenija cheloveka svobodnoj professii // *Organizacionnaja psiholingvistika [Jelektronnyj resurs]: jelektron. nauch. zhurnal – №4 (24).* -S. 96-113.
9. *Kulikov L.V.* Psihogigiena lichnosti. Voprosy psihologicheskoy ustojchivosti i psihoprofilaktiki: uchebnoe posobie. SPb : Piter, 2004. 464 s.
10. *Levit L. Z.* Lichnostno-orientirovannaja koncepcija schast'ja: novaja sistemnaja paradigma // *Ped. obrazovanie v Rossii*. 2013. № 1. S. 102-111.
11. *Leont'ev D. A.* Schast'e i sub#ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponjatijnogo polja // *Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny.* 2020. № 1. S. 14-37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>.
12. *Matjushina M.G.* Osnovnye podhody k raskrytiju ponjatija «sub#ektivnoe blagopoluchie» v otechestvennoj i zarubezhnoj psihologii // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena [Tekst]. - Sankt-Peterburg, 2016. - N 182. - S. 127-131.*
13. *Novak N. G.* Osnovnye podhody k opredeleniju psihologicheskogo blagopoluchija lichnosti v sovremennoj psihologii // *Psihol. zhurn.* 2008. № 2 (18). S. 21-25.
14. *Pahol' B. E.* Sub#ektivnoe i psihologicheskoe blagopoluchie: sovremennye i klassicheskie podhody, modeli i faktory / B. E. Pahol' // *Ukrainskij psihologicheskij zhurnal. – 2017. –No 1 (3). – S. 80-104.*
15. *Piskarev P.M.* Metamodern i integrativnaja teorija gumanitarnogo znaniya: dis. ... D-ra psihol.nauk. Jar., 2019.469s.

16. *Puchkova G.L.* Sub#ektivnoe blagopoluchie kak faktor samoaktualizacii lichnosti: dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.01. Habarovsk, 2003. 163 s.
17. *Tatarkevich V.* O schast'e i sovershenstve cheloveka / per. s pol'sk., sost. L. V. Konovalovoj, pod red. L. M. Arhangel'skogo. - M.: Progress, 1981. - 368s.
18. *Fesenko P.P.* Imeet li ponjatie psihologicheskogo blagopoluchija social'no-kul'turnuju specifiku? // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2005. T. 2. № 4. S. 132-138.
19. *Chiksentsmihaji M.* Potok: Psihologija optimal'nogo perezhivanija. M. : Smysl; Al'pina non-fikshn, 2017. 416 s.
20. *Shamionov R.M.* Kriterii sub#ektivnogo blagopoluchija lichnosti: sociokul'turnaja determinacija // Izv. Sarat. un-ta. Nov.ser. Ser. Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitija. 2015. T. 4, vyp. 3 (15).
21. *Shevelenkova T.D., Fesenko P.P.* Psihologicheskoe blagopoluchie lichnosti (obzor koncepcij i metodika issledovanija) // Psihologicheskaja diagnostika. 2005. № 3. S. 95-129.
22. *Jaremchuk S.V.* Sub#ektivnoe blagopoluchie kak komponent cennostno-smyslovoj sfery // Psihologicheskij zhurnal. 2013. T. 34. № 5. S. 85-95. Str 93.
23. *Bradburn N.* The Structure of Psychological well-being / N. Bradburn. - Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. – P. 320.
24. *Czapinski J.* Illusions and Biases in Psychological Well-Being: An 'Onion' Theory of Happiness // Working Meeting of I.S.R. and I.S.S. (Ann Arbor, 1991). Ann Arbor: University of Michigan, 1991. P. 23.
25. *Cooke P. J.* Measuring Well-Being : A Review of Instruments / Philip J. Cooke, Timothy P. Melchert, Korey Connor // Published. - SAGE Publications, 2016. - P. 730-757.
26. *Csikszentmihalyi, M.* (1990). Flow: The psychology of optimal experience. New York: Harper & Row.
27. *Diener E* (2000). Subjective well-being: The science of happiness and a proposal for a national index. *American Psychologist*. 55. pp. 34-43.
28. *Deci E. L.* Need satisfaction, motivation, and well-being in the work organizations of a former Eastern Bloc country: a cross-cultural study of self-determination / Deci E. L., Ryan R. M., Gagne M., Leone D. R., Usunov J. & Kornazheva B. P. // *Personality and Social Psychology Bulletin*. - 2001. – P. 930-942.
29. *Fabius, R., Thayer, R. D., Konicki, D. L., Yarborough, C. M., Peterson, K. W., Isaac, F., ... Dreger, M.* (2013). The link between workforce health and safety and the health of the bottom line: tracking market performance of companies that nurture a “culture of health”. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 55(9), 993-1000.
30. *Edington, D. W., Pitts, J. S., Schultz, A. B.* (2014). Health as an economic strategy: special emphasis on the workplace. *American Journal of Lifestyle Medicine*, 8(5), 330-335.
31. *Ferrer-i-Carbonell, A.* (2005). Income and well-being: an empirical analysis of the comparison income effect. *Journal of public economics*, 89(5-6), 997-1019.

32. *Fredrickson, B.* (2009). *Positivity: Groundbreaking Research Reveals How to Embrace the Hidden Strength of Positive Emotions, Overcome Negativity, and Thrive.* New York, NY: Crown.
33. *Giovanini E., Hall J., Morrone A., Rannuzi G.* A framework to measure the progress of societies, OECD Working Paper, 2009.
34. *Gallagher M.W., Lopez S.J., Preacher K.J.* The hierarchical structure of well-being // *Journal of Personality.* 2009. № 77. pp. 1025-1050. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2009.00573.x>
35. *González-Romá, V., Schaufeli, W. B., Bakker, A. B., Lloret, S.* (2006). Burnout and work engagement: Independent factors or opposite poles? *Journal of vocational behavior*, 68(1), 165-174.
36. *Grossmeier, J., Fabius, R., Flynn, J. P., Noeldner, S. P., Fabius, D., Goetzel, R. Z., Anderson, D. R.* (2016). Linking workplace health promotion best practices and organizational financial performance: tracking market performance of companies with highest scores on the HERO scorecard. *Journal of occupational and environmental medicine*, 58(1), 16-23.
37. *Hosie, P. J., Sevastos, P. P.* (2010). A framework for conceiving of job-related affective wellbeing. *Management revue*, 406-436.
38. *Kraut R.* (1979). Two conceptions of happiness. *Philosophical Review.* 87.167-196.
39. *Keyes C. L. M., Waterman M. B.* Dimensions of Well-Being and Mental Health in Adulthood // *Well-being. Positive Development Across the life Course.* Hillsdale; London: Erlbaum Associates. 2003. P. 477-495.
40. *Lyubomirsky S.* The benefits of frequent positive affect: Does happiness lead to success? / *Lyubomirsky S., King L. & Diener E.* // *Psychological Bulletin.* – 2005. - № 131. – P. 803-855.
41. *Linton M.J., Dieppe, P., Medina-Lara, A.* Review of 99 self-report measures for assessing well-being in adults: Exploring dimensions of well-being and developments over time. *British Medical Journal Open.* 2016;6(7): e010641.
42. *McDowell J.* The role of eudaimonia in Aristotle's ethics. In *Rorty AO (Ed.), Essays on Aristotle's ethics* (pp. 359-376). Berkeley, CA: University of California Press.
43. *Norton DL* (1976). *Personal destinies.* Princeton, NJ: Princeton University Press. [Google Scholar]. pp. 216.
44. *O'Donnell, M. P.* (2015). What is the ROI for workplace health promotion? It really does depend, and that's the point.
45. *Oswald, A. J., Wu, S.* (2010). Objective confirmation of subjective measures of human well-being: Evidence from the USA. *Science*, 327(5965), 576-579.
46. *Robinson M. D., Ryff C. D.* The role of self-deception in perceptions of past, present and future happiness // *Personality and Social Psychology Bulletin.* 1999. Vol. 25. N. 5. P. 596-608.
47. *Ryff C.D.* The contours of positive human health // *Psychological Inquiry.* 1998. Vol. 9. P. 1-28.

48. *Ryan R. M.* On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudemonic well-being / Ryan R. M., & Deci E. L. // *Annual Review of Psychology*. – 2001. - № 52(1). – P. 141-166.

49. *Salanova, M., Del Líbano, M., Llorens, S., Schaufeli, W. B.* (2014). Engaged, workaholic, burned-out or just 9-to-5? Toward a typology of employee well-being. *Stress and Health*, 30(1), 71-81.

50. *Seligman M.* (2018): PERMA and the building blocks of well-being, *The Journal of Positive Psychology*, DOI: 10.1080/17439760.2018.1437466

51. *Snyder, C. R.* (2000b). The past and possible futures of hope. *Journal of Social & Clinical Psychology*, 19, 11-28.

52. World Health Organization, “Constitution of the World Health Organization” *American Journal of Public Health* 36 no 11 November 1 1946. pp. 1315-1323.

53. *Waterman AS, Schwartz SJ, & Conti R* (2008). The implications of two conceptions of happiness (hedonic enjoyment and eudaimonia) for the understanding of intrinsic motivation. *Journal of Happiness Studies*. 9. pp. 41-79.

54. *Warr, P.* (1990). The measurement of well-being and other aspects of mental health. *Journal of occupational Psychology*, 63(3), 193-210.

ОБ АВТОРАХ / ABOUT AUTHORS

Iskajyan Armine Hovhannes – PhD student, lecturer of Psychology at Yerevan Haybusak University. Research interests: cyberpsychology, medical psychology, addictive behavior, cognitive psychology, developmental psychology, social psychology.

Коллонтай Галина Александровна – соискатель ученой степени, психолог АНО ДПО Институт психологии творчества Павла Пискарева.

Никитичев Илья Геннадьевич – аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета. Сфера научных интересов: теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Палкин Алексей Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета. Сфера научных интересов: психолингвистика, лингвокультурология.

Серов Владислав Андреевич – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского Государственного Лингвистического Университета.

Электронный научный журнал

«Организационная психолингвистика» публикует статьи, доклады и сообщения российских и зарубежных ученых, докторантов и аспирантов, молодых специалистов. К публикации принимаются также рецензии, обзоры, информация о научных проектах и др. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

Тематика журнала в соответствии с утверждённой номенклатурой научных специальностей:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (Психологические науки)

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (Психологические науки)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (Филологические науки)

5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (Филологические науки)

5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (Психологические науки)

Рубрики журнала:

- Концептуальные вопросы организационной психолингвистики.
- Экспериментальные исследования в малых профессиональных группах, трудовых коллективах, организациях.
- Отечественная и зарубежная практика организационной психолингвистики.
- Труды начинающих учёных.
- Хроника, обзоры и рецензии.
- Организационная психолингвистика в лицах и дискуссиях.
- Из истории организационной психолингвистики.

Требования к представлению статей и рецензий

1. К публикации принимаются только статьи, ранее не публиковавшиеся.

2. Статьи и рецензии в электронном виде необходимо выслать на электронную почту **orgpsyling@yandex.ru**

3. Объем рукописи:

— статья (без аннотаций, ключевых слов и транслитерации): от 20 тыс. до 30 тыс. знаков с пробелами. В отдельных случаях допускается до 40 тыс. знаков

— рецензия 15-20 тыс. знаков с пробелами,

— доклад, сообщение, обзор до 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Пристатейные материалы (подаются на русском и английском языках): название статьи, ее аннотация, 5-6 ключевых слов (терминологических словосочетаний), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Важно! Объем аннотации в соответствии с международными требованиями составляет 150-200 слов. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и указание на результаты исследования. Текст аннотации, а также ключевые слова, написанные на русском языке, должны соответствовать тексту аннотации и ключевым словам, написанным на английском языке (при безусловно возможном расхождении в количестве слов в аннотации на русском и английском языках).

5. Транслитерация всех источников из списка литературы (если это источники на русском языке) даётся латиницей (для транслитерации можно использовать сайт <http://www.translit.ru>);

6. Персональные сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, должность; место работы; сфера научных интересов; электронный адрес, контактный телефон. Размещаются в соответствии с Приложением 1.

5. Для подачи рецензии

— дублирование заглавия рецензии на английском языке;

— представление персональных сведений об авторе рецензии (как при представлении статьи).

6. Статьи аспирантов и докторантов принимаются только при наличии рецензии от научного руководителя, отчет из системы «Антиплагиат ВУЗ» (оригинальность текста не менее 87%) и письменного заявления.

Порядок прохождения рукописи

1. Проверка рукописи на общенаучное и техническое соответствие.

2. Анонимное рецензирование (редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения российских и/или зарубежных рецензентов).

3. В случае принятия редакционной коллегией решения о возможности публикации статьи в дистанционном режиме с автором заключается двусторонний договор (публичная оферта) на публикацию материалов в журналах.

4. После обоюдного подписания договора автору направляется уведомление, где указываются сроки публикации, а также в рабочем порядке по необходимости направляются корректуры, верстка и т.п.

Технические требования к рукописи

Файл рукописи должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

Текст статьи и рецензии: поля — с каждой стороны страницы 2 см.; шрифт Times New Roman; выравнивание «по ширине», 14 кегль, полуторный

интервал; отступ стандартный (автоматический — 1,25 см); порядковый номер страницы (начиная с 1-й) указывается внизу по центру.

Инициалы и фамилия автора статьи, а также аффилиация и электронный адрес — в начале работы, выравнивание «по правому краю» (Название организации должно быть приведено в полном виде без сокращений. Вместе с названием необходимо указать ее адрес: город и страну. Если над статьей трудились несколько авторов из разных организаций, необходимо указать и их данные. Названия учреждений должны быть соотнесены с фамилиями при помощи добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов).

Название статьи: выравнивание «по центру»; на русском языке — 14 шрифт, на английском языке — 12 шрифт.

Аннотации, ключевые слова, список литературы, транслитерация: 12 кегль, одинарный интервал.

Оформление сносок: в квадратных скобках указываются порядковый номер источника в списке литературы (источники в списке даются в алфавитном порядке; сначала на русском, а затем на других языках), далее через двоеточие — номер тома (при необходимости) и номер страницы. Например: [3, с. 108], [3: II, с. 108], [3, с. 108; 5].

Между словами всегда дается только 1 пробел, в конце абзаца никаких дополнительных пробелов быть не должно.

Выделения в тексте допустимы *курсивом* или полужирным шрифтом. Подчеркивание исключено. В файле должны содержаться все необходимые элементы статьи: изображения, таблицы, диаграммы.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

В тексте статьи и рецензии фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Сидоров, С.И. Кириллов, И.П. Александров). Между инициалом(-ами) и фамилией дается пробел (только один), а инициалы идут подряд — без пробелов. Например: И.И. Иванов, И.П. Павлов, Дж.Р. Кантору, Н. Хомский.

Изъятия и лакуны в цитатах или уточнения также требуют оформления. Например, «градация способов, [...] условий», «зона развития [в терминологии Л.С. Выготского] обусловлена».

Если какое-либо выделение в тексте (курсив, разрядка, полужирный шрифт или их комбинаторика) дано в цитате самим цитируемым автором — оно дается без комментария. Если выделение (например, курсив) дается Вами, то после завершения цитаты в круглых скобках указывается: (Курсив мой. — И.И.).

Список литературы: Источники должны быть пронумерованы и писаться с отдельной строки. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует

приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. Допускаются только опубликованные материалы.

Для удобства авторов ниже приведены примеры оформления различных типов источников (порядок оформления упрощен за счет снятия дополнительной информации об авторе(ах) работы и тире между информационными группами библиографического описания).

Книга

Психология. Саратов: СГУ, 2015. 450 с.

Иванов А.А., Петров Б.Б. Психология. 2-е изд., доп. и перераб. (если у книги есть автор(ы) + если книга переиздавалась + если указан характер переиздания). М.: Наука, 2001. 330 с.

Иванов А.А. Психология: Вопросы методологии (если в названии книги есть уточнение, оно дается после двоеточия, с большой буквы). М.: Наука, 2010. 450 с.

Психология: Сб. науч. ст. М.: Наука, 2010. 450 с.

Иванов А.А. Возрастная психология / Отв. ред. В.В. Петрова, сост. Г.Г. Сидорова (если у книги есть составитель(и) и/или научный(е) редактор(ы)). М.: Наука, 2001. 200 с.

Иванов А.А. Психология. СПб.; М.: Наука, 2001. 530 с. (если книга издана не в одном городе, в качестве разделителя используется точка с запятой).

Если сочинение многотомное, указывается количество томов и (при конкретизации) номер тома:

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Тверь: ТГУ, 2001. 220 с., 530 с.

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Т. 1. СПб.; М.: Наука, 2001. 220 с.

Статья в сборнике (после знака «//» оформление книжное)

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Иванов А.А. Социальная психология. М.: Наука, 2001. С. 90-100

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Практическая психология. Калининград: КГУ, 2001. С. 90-100.

Периодические издания

Журнал

Иванов А.А. Подростковая психология // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 90-100.

Газета

Михайлов С.А. Езда по-европейски // Независимая газета. 2002. 17 июня.

Таблицы, рисунки, сокращения

Требования к таблицам: таблицы должны помещаться в текст статьи, иметь нумерованный заголовок и быть удобными для чтения. Данные таблиц должны соответствовать цифрам текста. Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды - в русскоязычном и англоязычном вариантах.

Рисунки: автор не должен использовать слишком много иллюстраций в работе. Каждое изображение должно быть оправдано содержанием статьи. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Нумерованную подпись следует указать дважды — на русском и английском языке под изображением. Рисунки обязательно даются в тексте (без обтекания текстом) и обязательно дублируются отдельными файлами в графических форматах (png, gif, tiff, jpg и др.) каждый. Имена файлов, образец: "Иванов_рис5".

Диаграммы, графики, схемы выполняются в программе Excel и присылаются отдельно от текста все в одном файле с расширением xls (предпочтительно) или xls; можно использовать и программу Word. Таблицы с данными включаются в файл, не следует их удалять.

Пожалуйста, не изменяйте формат, в котором изображения создавались первоначально. Например, созданная в MS Office 2007 диаграмма утрачивает часть своих свойств при сохранении в «младших» версиях пакета.

Рисунки должны иметь высокое качество и не требовать дополнительного редактирования, в том числе изменения размера (возможны искажения). Рисунки, особенно несложные, не следует делать слишком большими, они должны быть соразмерны тексту. Не перегружайте рисунки многочисленными надписями, комментариями – лучше использовать примечания.

Диаграммы, графики, схемы могут быть цветными, но при условии, что в черно-белом варианте (например, при печати) не происходит утраты информации и все элементы рисунка остаются хорошо отличимыми. Рекомендуются ахроматичные оттенки серого или сине-голубая гамма MS Office 2007 (синий, акцент 1).

Все виды изображений именуется рисунками. Подпись дается под рисунком, в конце подписи – точка; затем идут примечания.

Рис. 1. Название рисунка [в конце стоит точка].

Сокращения: все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам.

Образцы оформления полного текста статьи см. в Приложении 1.

Контакты

Необходимо указать полные контакты всех авторов.

В контактной информации должны быть указаны:

- ученая степень и звание, должность и полное наименование организации.

- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (исключительно для личной связи)

- идентификатор ORCID (подробнее здесь: <http://orcid.org/>), eLibrary SPIN-код (подробнее: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

Дополнительная информация Информация о конфликте интересов.

Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. В их числе: финансовые отношения с третьими лицами и интерес сторонних людей к продвижению научной работы.

- 1) Необходимо указать источники финансирования научной работы
- 2) Допускаются благодарности авторов лицам и организациям, оказавшим помощь в работе над статьей.
- 3) Допускается конкретизация работы и вклада всех авторов в подготовленный текст (дизайнеров, аналитиков).

Сопроводительные документы

Вместе с оформленным оригиналом статьи в редакцию должно быть предоставлено сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем со всеми подписями авторов)

ВНИМАНИЕ!

Обязательные правила при подготовке статьи!

Авторы обязаны согласиться со всеми нижеприведенными пунктами, иначе рукопись может быть возвращена!

- Статья не должна быть опубликована в других источниках. Ни частично, ни полностью. Текст не должен также быть на рассмотрении на публикацию в других изданиях. Если текст ранее предоставлялся на публикацию, автор обязан уведомить об этом редакцию.
- Оформление по правилам редакции: автор обязан оформить текст по приведенным правилам редакции.
- Наличие всех сопроводительных документов

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 37.042.2

С.В. Мыскин

док. филол. наук, канд. психол. наук, доц.,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
myskinsv@yandex.ru

С.Г. Харламова

канд. психол. наук, заместитель директора,
Институт среднего профессионального образования им. К.Д.
Ушинского,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129626, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
kharlamovasg@mgpu.ru

**СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
АДАПТАЦИИ ЛИЦ С ВЫРАЖЕННЫМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКИМИ
НАРУШЕНИЯМИ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена проблемам профориентации и профессиональной адаптации инвалидов с психофизическими нарушениями психики в условиях образовательной организации. Авторы проводят анализ зарубежного и отечественного опыта профориентации и профадаптации инвалидов для выявления наиболее эффективных форм организации данных процессов. /.../

Ключевые слова: образовательная организация, профориентация, профессиональная адаптация, инвалиды с психофизическими нарушениями, терапевтическая среда.

S.V. Myskin, S.G. Kharlamova

**SPECIFICITY OF THE ORGANIZATION OF VOCATIONAL GUIDANCE AND
PROFESSIONAL ADAPTATION OF PERSONS WITH SEVERE PSYCHOPHYSICAL
DISORDERS IN THE CONDITIONS OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION**

The article is devoted to problems of vocational guidance and professional adaptation of disabled people with psychophysical disorders of the psyche in conditions of educational organization. The authors analyze the foreign and domestic experience of vocational guidance and professional adaptation of disabled people to identify the most effective forms of organizing these processes. /.../

Keywords: Educational organization, vocational guidance, professional adaptation, disabled people with psychophysical disorders, therapeutic environment.

В настоящее время в столичных вузах и средних профессиональных образовательных учреждениях существует практика организации обучения инвалидов. Как показал пилотный анализ, по окончании профессионального обучения выпускники-инвалиды испытывают острую потребность в трудоустройстве. Основным препятствием здесь выступают опасения и нежелание работодателей принимать на работу молодого человека с психиатрическим диагнозом [1, с. 11; 13]. Такое положение дел негативным образом сказывается не только на процессе профессиональной адаптации самого инвалида, но и на членах его семьи.

Родители в связи с уходом за ребенком-инвалидом вынуждены отказываться от собственной работы, что неминуемо влечет финансовые проблемы. Кроме того, социальное отторжение вынуждает семьи скрывать от окружающих факт болезни ребенка-инвалида, что приводит к/.../

Литература

1. Мыскин С.В., Пашин Н.П., Калмыков С.Б. Актуальные тенденции модернизации кадровой политики организаций в рамках содействия занятости инвалидов // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 11. С. 11-16.

References

1. Myskin S.V., Pashin N.P., Kalmykov S.B. (2014) Aktual'nye tendentsii modernizatsii kadrovoi politiki organizatsii v ramkakh sodeistviya zanyatosti invalidov [Actual tendencies of modernization of personnel policy of the organizations within assistance of employment of disabled people]. Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo [Social policy and social partnership], 11, pp. 11

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации в
Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.**

Издательство

ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий».

Тираж 500 экз.

115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24. Тел.: 8 (926) 384-02-69.

www.psycholinguistic.ru